

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара
считаются безилатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 Февраля.

СОДЕРЖАНІЕ: Еще о томъ же.—Передъ Съѣздомъ. *Вл. Л—го.*—Замѣтки о московскомъ Художественномъ театрѣ. *И. А. К—еля.*—Хроника театра и искусства. — Письма въ редакцію. — Музыкальныя замѣтки. *Б. Соловьева.*—На порогѣ. (Повѣсть). *Арсенія Г.*—Путевыя замѣтки. II—III. *А. А.*—Провинциальная лѣтопись. — Объявленія.

№ 9.

Рисунки: «Микаэль Крамеръ» (рис. *А. Ростиславова*). «Одинокіе» (3 рис. *А. Любимова*), Тина ди-Лоренцо въ роли Маргариты Готье.

Портреты: *А. С. Суворина*, *Л. Собинова*, *Д. В. Вольфа* и *В. И. Главача*.

Приложеніе: Библіотека II выпуска. Театръ въ Персіи *М. Дандевиля.*—Шверинская академія *Б. Вирнеке.* Любительская сцена *Ю. Озаровскаго.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Въ разрочку вносятся 4 р. при подпискѣ и 2 р. къ 1 Юня.

Открыта подписка на изданіе

КНИГА 2-го СЪѢЗДА

СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

Изданіе журн. «Театръ и Искусство».

„Книга“ будетъ состоять изъ двухъ частей: неофициальной; со многими иллюстраціями, статьями и характеристиками и официальной (подъ ред. комисіи по организаціи Съѣзда), заключающей протоколы, труды и доклады Съѣзда.

Цѣна обомъ томамъ по подпискѣ — 2 руб., для подписчиковъ журнала 1 р. 80 к. съ пересылкой. При заявленіи о подпискѣ можно прилагать 1 р., наложивъ на остальныя деньги платежъ. По окончаніи Съѣзда, цѣна на книгу будетъ увеличена.

Деньги адресуются въ контору журнала

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Моховая, 45.

С.-Петербургъ, 25 Февраля.

Общее Собраніе Театрального Общества, состоявшееся 18 февраля (подробности см. ниже) внимательно отнеслось къ предложенію, высказанному въ нашемъ журналѣ, и избрало комисію. Работы комисіи, на которую возложенъ непосильный трудъ въ одну недѣлю разсмотрѣть уставы, будутъ внесены въ Общее Собраніе во вторникъ 27 февраля. Выразимъ надежду, что Общее Собраніе приметъ этотъ докладъ, и тѣмъ облегчитъ задачу Съѣзда. Сколько намъ извѣстно, комисія признала необходимымъ значительно сдѣлать контроль Театрального Общества и освободить отъ «поднадзорности» театральныя предприятия.

Нѣтъ ничего проще формулы: «тащи и не пущай», но едва-ли есть что нибудь безплоднѣе ея. Избытокъ регламентаціи приводитъ къ стѣсненію предприятий, и создаетъ тотъ особый родъ отношеній, который опредѣляется понятіемъ «ладить». Въ сущности говоря, если театральныя предприятия имѣютъ возможность благополучно существовать, то потому, что антрепренеръ умѣетъ «ладить». Онъ ладитъ со всѣми: съ администраціей, съ дирекціей, съ печатью, съ мѣстными тузами, съ агентомъ Общества драматическихъ писателей и пр. Подчините театральныя предприятия контролю Театрального Общества, и въ результатъ получится еще цѣль лицъ и учрежденій, съ которыми придется «ладить». Нужно будетъ ладить съ Совѣтомъ Общества, съ его канцеляріей, съ секретаремъ, съ мѣстнымъ агентомъ. «Поднадзорность» окажется фикціей для того, кто умѣетъ ладить, и тяжкимъ бременемъ для того, кто ладить не умѣетъ и не хочетъ. Нужно знать бытовыя условія театральной жизни, чтобы

понять, сколько горькой правды заключается въ этихъ предположеніяхъ. И вотъ, мы говоримъ: не довольно-ли на шеѣ театральнаго предпринимателя людей, съ которыми приходится ладить? Нужно-ли приумножать ихъ число?

Идея «надзора» прельщаетъ, главнымъ образомъ, актеровъ. Они видятъ въ этомъ средство оградить себя отъ злоупотребленій и притѣсненій предпринимателей. При этомъ упускается изъ виду, во-первыхъ, то, что болѣе сильный, — а болѣе сильный есть антрепренеръ—легче все улаживаетъ, нежели менѣе сильный, а во-вторыхъ, что стѣсненіе театральнаго предпріятія, увеличеніе формальностей, сопровождающихъ открытіе и эксплуатацію театральнаго предпріятія и пр., неминуемо должно отразиться на благополучіи театральнаго предпріятія, а это связано съ благосостояніемъ самихъ актеровъ.

Но самое существенное возраженіе противъ «поднадзора» театральнаго предпріятія и «заключеній» Театральнаго Общества по «ходатайствамъ (!) объ открытіи театральнаго предпріятія», состоитъ въ томъ, что Театральное Общество фактически не въ силахъ ни предупредить какаго-либо злоупотребленія, ни направить театральное дѣло на иной, нежели теперешній, путь.

Въ самомъ дѣлѣ, для огражденія исправности платежей съ антрепренеровъ взимаются залогомъ. Если эти залогомъ не вездѣ взимаются, то можно ходатайствовать о томъ, что бы они взимались исправно. Съ этой стороны, имущественное обезпеченіе, представляемое залогомъ, гораздо серьезнѣе, нежели «надзоръ» Театральнаго Общества. Гарантировать репертуаръ и художественность предпріятія Театральное Общество не въ силахъ, да и возможно ли принимать отвѣтственность за характеръ дѣла, да и мыслимо-ли тутъ какое-нибудь давленіе? Неужели антрепренеры не предпочитаютъ «Гамлета» «Измаилу»? Однако, они ставятъ «Измаила», потому что пьеса даетъ сборы, учебно-же воспитательный характеръ предпріятія есть роскошь, доступная только театру, субсидируемому или обладающему исключительными средствами. Но тогда къ чему сводятся эти «ходатайства», эти «заключенія», эти «ревизіи» и надзоръ уполномоченныхъ?

По слухамъ, одно время существовалъ проектъ подчиненія всѣхъ театровъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Этотъ проектъ, возникшій, впрочемъ, по частной инициативѣ одного, нынѣ уже отставнаго, администратора, не получилъ никакого осуществленія. Проектъ этотъ былъ гораздо тѣснѣе, нежели планъ, заключающійся въ выработанномъ Театральнымъ Обществомъ уставѣ.

Рѣшительно недоумѣваешь, откуда и на какой, собственно, конецъ явился этотъ потокъ усердной регламентаціи. Чего, казалось бы, проще: люди хотятъ играть и образуютъ кружокъ, съ разрѣшенія властей. Нѣтъ, гласитъ уставъ,—надо подождать заключенія Театральнаго Общества. Или снялъ человѣкъ театръ, внесъ залогъ и собирается открыть сезонъ. Нѣтъ, это нельзя такъ просто. Пусть сначала походатайствуетъ, а мы дадимъ «заключеніе». И затѣмъ торжественное «разрѣшеніе»: играй на здоровье! Совершенно какъ у Щедрина въ «Исторіи одного города»: «разрѣшается печь пироги». И какъ же давать тогда разрѣшеніе: на годъ? на два? на всю жизнь? А если дать разрѣшеніе на драму, распространяется ли это на оперу или оперетку, и наоборотъ? А если, какъ сплошь и рядомъ случается, антрепренеръ мѣняетъ три-четыре города въ теченіи года, нужно ли ему столько же разъ просить разрѣшенія? А если гастрольная по-

ѣздка намѣтила 30 пунктовъ, то достаточно одного разрѣшенія или нужно ихъ 30?

Разумѣется, фактически Театральное Общество всѣмъ будетъ разрѣшать, да частенько его и спрашивать не станутъ и пр. Все будетъ происходить «по божески». И такъ какъ, въ концѣ концовъ, отъ этой регламентаціи можно будетъ задохнуться,—все сведется къ тому, чтобы «ладить» съ нужными людьми. Такова неизбѣжность: чѣмъ больше мелочныхъ правилъ и формальностей,—тѣмъ менѣе на дѣлѣ господствуетъ законность.

Съ № 10 прекращается высылка журнала лицамъ, не съдѣлавшимъ второго взноса. При взносахъ необходимо указывать № бандероли.

Передъ съездомъ.

Общее собраніе членовъ Т. О. въ Петербургѣ.

Общее собраніе членовъ Театральнаго Общества, назначенное, согласно повѣсткамъ, на субботу, 17 февраля, не состоялось за неприбытіемъ слѣдующаго по уставу числа членовъ. Поэтому оно было перенесено на 18 февраля.

Собралось около 50 человекъ. Засѣданіе открылъ А. Е. Молчановъ, объявившій о Монаршей милости — выдачѣ изъ средствъ государственнаго казначейства на убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ 60,000 р.

Заявленіе это было встрѣчено громкими криками «ура!».

Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ В. С. Кривенко.

В. С. Кривенко, высказавъ сожалѣніе о томъ, что даже рѣшеніе такого краеугольнаго вопроса, какъ проекты уставовъ, собрало очень мало членовъ—предложилъ затѣмъ перейти къ очереднымъ дѣламъ.

В. В. Билибинъ возбудилъ вопросъ о законности настоящаго собранія. Для рѣшенія вопроса объ измѣненіи устава Театральнаго Общества необходима наличность половины проживающихъ въ Петербургѣ, членовъ, что составитъ цифру превышающую 100. Между тѣмъ, собралось только сорокъ съ чѣмъ-то членовъ. На этомъ основаніи московское чрезвычайное собраніе можетъ признать постановленія настоящаго собранія незаконными.

А. Р. Кугель на это замѣтилъ, что настоящее собраніе созвано только для *разсмотрѣнія* уставовъ. Половина же членовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, требуется по уставу только въ тѣхъ случаяхъ, когда окончательно *рѣшается* вопросъ объ измѣненіи устава. Въ данномъ случаѣ общее собраніе имѣетъ только *совѣтательный* характеръ, ибо *рѣшающее* значеніе остается за московскимъ чрезвычайнымъ собраніемъ.

Къ этому заявленію присоединился сначала Я. А. Плющикъ-Плющевскій, а затѣмъ и все собраніе.

Затѣмъ В. С. Кривенко обратился къ собранію съ вопросомъ:

— Разсматривать ли проекты уставовъ по §§ или же ограничиться общими замѣчаніями только по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ?

А. Р. Кугель высказалъ ту мысль, что на протяженіи одного и даже двухъ засѣданій немислимо подробно рассмотреть 51 параграфъ устава Театральнаго Общества да 63 параграфъ устава союза. Это было бы еще возможно, если бы предлагаемые уставы оказались тѣми, общія основанія которыхъ выработано прошлогоднее чрезвычайное общее собраніе въ Москвѣ. Тогда бы пришлось только считаться съ мотивами того или иного постановленія. Но авторы настоящихъ проектовъ во многомъ разошлись съ постановленіями московскаго собранія и выработали до нѣкоторой степени новые уставы. Поэтому необходимо разсмотрѣніе по §§, что едва-ли удобно въ общемъ собраніи. Предпочтительно избрать особую комиссію для разсмотрѣнія новыхъ и подновленныхъ §§ уставовъ, а затѣмъ, внеся свои замѣчанія, на собраніи, которое можно назначить на-дняхъ.

Къ этому предложенію присоединился и В. С. Кривенко. Въ концѣ концовъ, голосованіемъ рѣшили избрать комиссію для разсмотрѣнія уставовъ, а затѣмъ собраться вновь, чтобы выслушать заключенія комиссіи и, если нужно, измѣнить и дополнить ихъ.

В. С. Кривенко затѣмъ предложилъ: прежде, чѣмъ избирать комиссію, выслушать нѣкоторыя общія замѣчанія относительно уставовъ. Это ознакомитъ слушателей со взглядами отдѣльныхъ членовъ собранія, что каждому дастъ возможность ориентироваться при выборахъ членовъ комиссіи.

Микаэль Крамеръ (IV актъ).

Рис. А. Ростиславова.

Съ этимъ предложеніемъ согласились всѣ. Предсѣдатель попросилъ желающихъ приступить къ изложенію своихъ взглядовъ.

Первымъ попросилъ слова А. Р. Кугель. Ораторъ поставилъ вопросъ о томъ, по какому пути должно идти Театральное Общество. «Есть два пути, Акоста: длинный и короткій. Избери длинный». Короткій путь есть путь бюрократической регламентаціи; путь длинный есть путь содѣйствія и споспѣшествованія. Обратившись къ пункту б) 2 параграфа, ораторъ нашелъ, что онъ представляетъ единственный въ своемъ родѣ опытъ подробнѣйшей регламентаціи театральнаго дѣла. Театральное дѣло въ Россіи регламентировано и безъ того болѣе, чѣмъ достаточно, и непрерывно-дѣйствующій надзоръ скорѣе принесетъ вредъ, нежели пользу дѣлу. Ошибка бюрократическаго принципа, положеннаго въ основаніе новаго устава, заключается въ томъ, что приумноженіемъ властей, будто-бы, достигается ихъ законмѣрность. Въ дѣйствительности же, умноженіе властей влечетъ лишь увеличеніе формальностей, отягчающихъ театральное дѣло. Театръ относится къ области искусства и больше всего нуждается въ свободѣ. Не разрѣшать и не надзирать должно Театральное Общество, а созидать; не контролировать, но заявлять о себѣ положительнымъ творчествомъ. И въ этомъ долженъ заключаться длинный путь и вѣрный путь служенія.

Рѣчь сопровождалась дружными рукоплесканіями.

А. Р. Кугелю возражали двое: М. Г. Городецкій и В. В. Билибинъ. Впрочемъ, оба они отстаивали пунктъ б) (§§ 2) только въ нѣкоторыхъ частяхъ. Г. Городецкій заявилъ, что надзоръ необходимъ только въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ онъ можетъ обуздать антрепренеровъ-гешефтмахеровъ.

Н. А. Лейкинъ заявилъ, что всякое насильственное вмѣшательство въ дѣло театралныхъ предпринимателей будетъ только мѣшать развитію и совершенствованію театра.

Затѣмъ поднялся Е. П. Карповъ.

Исходя изъ того положенія, что въ каждомъ дѣлѣ можетъ быть два способа воздѣйствія: наблюдающій и возбуждающій,—Е. П. указалъ, что новый уставъ Театральнаго Общества пропагандируетъ первое воздѣйствіе. Онъ учреждаетъ надзоръ и контроль надъ такимъ живымъ дѣломъ, какъ театръ, который только и силенъ самостоятельностью и инициативой. Какъ на характерные примѣры—Е. П. указалъ на Императорскій и на московскій Художественно-общедоступный театры. Въ то время, какъ первый пребываетъ въ ксности и рутинѣ, второй, благодаря личной инициативѣ и предпримчивости, пошелъ значительно впередъ и нашелъ не мало послѣдователей въ провинціи. Пусть путь, избранный организаторами этого театра, ошибоченъ—это неважно, ибо со временемъ сгладится. Хорошо уже и то, что этотъ театръ ищетъ новыхъ путей. И это возможно только до тѣхъ поръ, пока гг. Станиславскій и Немировичъ-Данченко являются полными хозяевами своего дѣла. Если же они будутъ знать, что каждую минуту въ ихъ театрѣ могутъ ворваться какіе-то «уполномоченные», по всей вѣроятности, мало смыслящіе въ театральномъ дѣлѣ, которые однако могутъ передѣлать все по своему, то для чего же имъ рисковать своими деньгами, трудомъ и дарованіемъ?

Театральное Общество должно только *способствовать* росту и улучшенію театра. А этого оно можетъ достигнуть въ томъ случаѣ, когда будетъ имѣть возможность организовать все *лучше*. Этимъ оно сдѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ всѣми запретительными мѣрами.

Слова оратора были покрыты громомъ аплодисментовъ.

Актеръ г. Хмѣльницкій разсказалъ затѣмъ нѣсколько случаевъ эксплуатаціи актеровъ со стороны предприимчивыхъ антрепренеровъ и заявилъ, что контроль и надзоръ за дѣятельностью такихъ лицъ необходимы.

Г. Волковъ, присоединяясь вполне ко мнѣніямъ, высказаннымъ А. Р. Кугелемъ и Е. П. Карповымъ, съ своей стороны заявилъ, что выборы въ Совѣтъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, могутъ произойти совершенно случайно. Такой Совѣтъ окажется, конечно, некомпетентнымъ въ дѣлѣ контроля театра. Зачѣмъ-же давать подобному Совѣту въ руки такое сильное средство какъ контроль и надзоръ, т. е.—иначе выражаясь—зачѣмъ-же отдавать въ руки нѣсколькихъ лицъ, которыя могутъ быть и случайны, власть надъ всей театальной Россіей? Ораторъ закончилъ словами: «будетъ одинъ порядокъ, а театра не будетъ».

За контроль высказались гг. Бравичъ и Озаровскій, мотивировавшіе мнѣніе тѣмъ, что Совѣтъ—выборный, поэтому къ нему должно существовать полное довѣріе со стороны членовъ Театральнаго Общества.

Я. А. Плющикъ-Плюшевскій нашелъ въ тѣхъ желаніяхъ, которыя высказали гг. Карповъ и Кугель, много симпатичнаго, но все это неисполнимо. Упомянутые ораторы проповѣдывали свободу, но свобода—это пѣсня соловья: она также желательна, но рѣдко осуществима. Мы же должны считаться съ тѣмъ, что есть. Открывать свои театры, конторы, бюро и пр.—это, конечно, желательно. Но гдѣ-же средства? Они у насъ ограничены, а по одежкѣ, какъ извѣстно, необходимо протягивать ножки. Предыдущіе ораторы высказали свои весьма симпатичные идеалы; ихъ намѣренія прекрасны. Но эти намѣренія и идеалы неосуществимы.

Отвѣчалъ ему сначала Е. П. Карповъ. Правда, заявилъ онъ, мы высказали наши идеалы, но въдѣ и Совѣтъ Театральнаго Общества въ настоящемъ проектѣ выразилъ свой идеалъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы рѣшить: чей идеалъ лучше и на сколько онъ подходитъ къ требованіямъ театальной жизни.

Самодѣятельность театра, продолжалъ дальше ораторъ, можно приравнять къ самодѣятельности ребенка. Для того, чтобы дитя научилось скорѣе ходить, необходимо представлять ему возможность ярмья отъ времени дѣлать въ этомъ направленіи собственные опыты. Точно также и театръ долженъ самостоятельно выбиваться на дорогу. Если же его вѣчно будутъ водить на веревочкѣ, то едва-ли мы дождемся того времени, когда театръ станетъ на собственные ноги и смѣло двинется впередъ.

Дисциплина, пожалуй, необходима. Но дисциплина бываетъ различная. Одна дисциплина, въ силу государственныхъ законовъ, говоритъ: «я требую, я хочу!» и тотъ, къ кому это относится долженъ непрекословно подчиняться этому требова-

нию, т. е. дѣлаться до извѣстной степени рабомъ. Но есть и другая дисциплина, которая твердитъ: подчиняйся мнѣ и дѣлай то, а не это, только потому, что ты вѣришь мнѣ, вѣришь въ мой авторитетъ и мой опытъ и знанія. Вотъ именно такая-то нравственная дисциплина, дисциплина личной инициативы, и должна быть примѣнена въ театральной жизни. Актеръ, напр., подчиняется режиссеру совѣмъ не потому, что такъ повелѣваютъ законы. Нѣтъ, онъ вѣритъ его знаніямъ и опыту онъ, наконецъ, подчиняется ради общаго дѣла, которое одинаково дорого и актеру и режиссеру.

Затѣмъ краткое слово сказалъ А. Р. Кугель. Никакой соловей регламентаціи, общающій всевозможныя выгоды и, быть можетъ, искренно увѣренный въ томъ, что это такъ будетъ. Но система регламентаціи сильнѣе, чѣмъ блага намѣренія, и поглотитъ ихъ. Надо рѣшить—что такое театр: искусство или нѣтъ, и почему къ театру должно быть примѣнено то, на что не согласился бы, напримѣръ, ни одинъ дѣятель литературы. «Я подчиняюсь законамъ, но если бы союзъ писателей пришелъ въ редакцію и сталъ ревизовать мои дѣла и вмѣшиваться въ мои распоряженія, я бы закрылъ журналъ». Ораторъ закончилъ сравненіемъ изъ «Великаго инквизитора» Достоевскаго. Театральнымъ дѣятелямъ говорятъ «отдайте намъ душу, и вы будете сыты». Но и послѣднее еще не доказано.

Затѣмъ поднялся Н. Н. Окуловъ и предложилъ весь пунктъ б. цѣликомъ перенести въ Уставъ союза. Къ сожалѣнію, никто не вынулъ этому голосу благоразумія.

Артистъ Д. В. Вольфъ въ нѣсколькихъ убѣдительныхъ словахъ высказался также противъ пункта б. Если я предприниматель, говорилъ онъ, то значить я вкладываю въ предприятие и мои труды, и мои деньги. Между тѣмъ, на основаніи упомянутаго параграфа, ко мнѣ можетъ въ одинъ прекрасный день явиться какой-то чиновникъ отъ Г. О. и переворнуть все вверхъ дномъ. Мыслимо ли это?..

Говорили и еще нѣкоторые, коснулись въ общихъ чертахъ союза, но однако къ положительному результату ни по одному пункту не пришли, поэтому В. С. Кривенко предложилъ приступить къ баллотировкѣ членовъ комисіи.

Большинствомъ голосовъ въ комисію были избраны, по порядку, слѣдующія лица: А. Р. Кугель, Е. П. Карповъ, В. С. Кривенко, К. В. Бравичъ и С. А. Свѣтловъ. Такъ какъ В. С. Кривенко отказался, то на его мѣсто избранъ Ю. Э. Озаровскій.

Комисіи начала свои работы со вторника, 20 февраля. Положенія, выработанныя комисіей будутъ представлены на рассмотрѣніе общаго собранія, которое назначено на 27 февраля. Главнѣйшія основанія, къ которымъ пришла комисія, слѣдующія: замѣна надзора попеченіемъ и уничтоженіе принципа платности должностей членовъ. Совѣта и уполномоченныхъ.

Вл. Л.—ій.

Замѣтки о Московскомъ Художественномъ театрѣ.

I.

Спектакли московскаго Художественнаго театра въ Петербургѣ являются несомнѣннымъ событіемъ. Московская печать такъ много въ теченіи трехъ лѣтъ трубила объ этомъ театрѣ; толстые московскіе журналы, которые принято, къ сожалѣнію, считать за нѣчто вродѣ ultima ratio критической мысли, такъ усердно воспѣвали хвалу; столько было отправлено телеграммъ А. П. Чехову отъ благодарной публики; столько диковинныхъ вещей было рассказано,—что, подъ конецъ, наша мысль—а мысль приручается, не хуже любого животнаго—окончательно была поработана новымъ театромъ. Я завидую Москвѣ, и недаромъ она является очагомъ славянофильства. Есть что-то общее въ положеніи „порфиросной вдовы“ по отношенію къ Петербургу и въ положеніи русской культуры въ отношеніи къ западно европейской. Славянофильское ученіе, какъ позднѣе, народническое, въ своихъ психологическихъ основаніяхъ, думается мнѣ, покоится на самолюбивомъ стремленіи превознести свое именно потому, что безъ та-

кого превознесенія, сравненіе будетъ къ невыгодѣ. Совершенно тою-же чертою увлеченнаго самолюбія я объясняю страстное увлеченіе Москвы всѣмъ своимъ. Сравнить спокойно Москва не можетъ, ибо превосходство петербургской культуры становится очевиднымъ. Остается страстно привязываться къ отдѣльнымъ явленіямъ московской культурной жизни, и находить въ нихъ достаточный противовѣсъ противъ болѣе законченной и равномерной петербургской культуры.

Московскій Художественно-Общедоступный театръ — toutes proportions gardées—испыталь судьбу новыхъ Торговыхъ рядовъ, даже Центральнаго банка, если хотите. Это былъ „театръ — мечта“, на которомъ Москвѣ, если позволено будетъ выразиться, хотѣлось отыгратъся отъ многихъ обидъ и утѣсненій, которыя она терпитъ отъ Петербурга. И вотъ какимъ образомъ случилось то, что постепенно этотъ молодой театръ сталъ предметомъ нѣкотораго культа для всякаго москвича, и на немъ сошлись, какъ профессора, изъ „Дяди Вани“, „тридцать лѣтъ писавшіе объ искусствѣ и ничего въ немъ не понимавшіе“, такъ и такіе несомнѣнные знатоки театральнаго дѣла, какъ почтенный С. Васильевъ изъ „Моск. Вѣдомъ“.

Безпристрастное слово новый театръ долженъ выслушать отъ Петербурга, и судя по тѣмъ отзывамъ, которые уже появились въ петербургскихъ газетахъ, это слово и будетъ сказано.

То новое, которое Художественно-Общедоступный театръ дѣйствительно внесъ и вноситъ въ театральное дѣло, никто у него не оспариваетъ. Это его большая заслуга, и я убѣжденъ, что плоды этого новаго уже не замедлили сказаться въ русской театральной жизни.

Подъ этимъ новымъ и разумнымъ установленіемъ принципа режиссерской власти, въ театральномъ дѣлѣ у насъ всегда начинали съ актеровъ и, уже изъ заключеніе, обращались къ режиссеру. Въ этомъ отношеніи дѣятели театра раздѣляли совершенно заблужденіе публики, которая долгое время, а можетъ быть, и по сейчасъ полагаетъ, что режиссеръ — это нѣчто вродѣ отвѣтственнаго предъ администраціей лица. Художественно-Общедоступный театръ ясно поставилъ во главѣ дѣла режиссера, какъ человѣка, борющаго на себя весь планъ постановки, все толкованіе произведенія, всю отвѣтственность за характеръ передачи. Ибо долженъ же быть какой-нибудь центральный, единый умъ толкователя, подобно тому, какъ единый умъ создавалъ произведеніе. Нельзя допустить, чтобы каждый изъ актеровъ, и декораторъ, и освѣтитель, и костюмеръ по своему толковали и понимали пьесу. Толковать ее должны режиссеръ, и на него же падаетъ отвѣтственность за неправильное, ложное толкованіе.

Вотъ что я считаю наиболѣе существеннымъ въ дѣятельности новаго театра. Другой вопросъ—какъ поставить наилучше эту центральную власть режиссера для того, чтобы она не задушила индивидуальности отдѣльныхъ талантовъ, и не водворяла вмѣсто художественнаго ансамбля казарменной дисциплины. И наконецъ, иное дѣло, чтобы режиссеръ, воспроизводя драматическое произведеніе на сценѣ, не давилъ матеріальною стороною на сторону художественную.

Благодаря установленію принципа режиссерской власти и, разумѣется, дарованіямъ и художественному вкусу режиссеровъ, гг. Станиславскаго и Вл. И. Немировича-Данченка, явилась возможность, прежде всего, обновить репертуаръ произведеніями новѣйшей литературы, новыми вѣяніями искусства, познать публику съ авторами, неизвѣстными донынѣ

и требовавшими для своего сценическаго воспроизведенія и особой тонкости пониманія, и особыхъ пріемовъ, которыхъ не знала сценическая рутинна. Для того чтобы „наладить“ на сценѣ Ибсена, Чехова, Гауптмана, во всякомъ случаѣ, необходимо критически воспринять ихъ, отгнать главное, наконецъ, придумать съ виѣшной стороны интересную форму, которая бы позволила большой публикѣ „войти“ въ этихъ авторовъ. Вѣдь мы привыкли все-таки къ тому, что „движеніе нужно въ драмѣ“, и движеніе это, какъ выразился Достоевскій, все еще понимается въ томъ смыслѣ, что „одинъ подъ столъ, а другой его за ногу изъ подъ стола“. Новѣйшая драма замедлена, если можно выразиться, въ своемъ движеніи; она не такъ картинна; она больше тянется; она полна тонкихъ, полу-уловимыхъ настроеній, смутнаго трепета, неясныхъ для значительной части публики вопросовъ, поставленныхъ возстаніемъ личности, борьбой съ моралью и пр. Вотъ почему попытки, на примѣръ, ставить Ибсена совершенно не удавались. Этотъ писатель не привился. Онъ не былъ раскрытъ сценой. И московскій театръ не раскрылъ Ибсена вполне, но во всякомъ случаѣ, благодаря новизнѣ нѣкоторыхъ формъ и толкованію умныхъ и образованныхъ режиссеровъ, онъ все таки заинтересовалъ до известной степени массу. И достаточно было утвердить такой репертуаръ для того, чтобы образованная публика съ наслажденіемъ сидѣла въ театрѣ, ибо бездна высокаго ума и таланта заключена, на примѣръ, въ „Докторъ Штокманъ“, красива, позволяю себя сказать, до боли „Гедда Габлеръ“, превосходенъ „Геншель“, и безусловно тоскливъ нашъ родной пейзажъ въ „Дядѣ Ванѣ“.

Я повторяю, что достаточно было утвердить этотъ репертуаръ, т. е. показать его въ тщательной, чистой, грамотной постановкѣ. Ибо, мнѣ кажется, что режиссерскій пріемъ московскаго театра не всегда тотъ, какой нуженъ по пьесѣ. У меня лежитъ уже нѣсколько времени присланная изъ Москвы статья подъ названіемъ „Сценическая ложь и сценическая правда“. Авторъ—крайвій и; можно сказать, восторженный поклонникъ московскаго Художественно-Общедоступнаго театра, но статья его начинается словами: „Театръ есть зеркало жизни“. „Казалось-бы, продолжаетъ онъ,—это аксіома, а между тѣмъ и т. д.“. А вотъ я полагаю, что театръ есть зеркало драматической литературы, потому что если представить себя, на примѣръ, драматическое произведеніе, дѣйствующими лицами котораго будутъ безплотные духи и спиритическія „флюнды“, зеркало-же отразитъ жизнь, какъ она есть, то выйдетъ большой диссонансъ. „Зеркало жизни“—есть формула натурализма. Я не думаю, чтобы эта формула, вообще, отличалась безусловною истинностью, и, во всякомъ случаѣ, ни авторъ „Призраковъ“, „Габлеръ“, „Женщины съ моря“, ни авторъ „Потопушаго Колокола“ и „Ганнеле“, ни авторъ „Чайки“ и „Трехъ сестеръ“—не суть натуралисты. Наоборотъ, они стремятся подняться надъ натуральными очертаніями жизни, посмотреть на нее сверху, съ высоты особаго полета, открыть то, что связываетъ явленія жизни не конкретными фактами, но неясными, душевными настроеніями. Если подойти къ этимъ произведеніямъ съ предвзятою мыслью, что театръ есть зеркало жизни, а жизнь есть тѣмъ мелочей, то драма будетъ представлена совсѣмъ не такъ, какъ она написана. Жизнь, какъ она понимается въ „Геддѣ Габлеръ“ и др.—состоитъ не въ томъ, чтобы ручка у дверей была настоящая, на пистолетахъ былъ штемпель известной фирмы, и чтобы комнаты были обставлены мебелью такъ, а не такъ, но совсѣмъ въ другомъ, въ крайне тонкой

передачѣ чувствъ и настроеній. Если въ нарисованной комнатѣ чувствуется „воздухъ“—вѣдь это не „натурализмъ“, ибо воздухъ не виденъ; это неуловимое соотношеніе предметовъ и фона, дающее впечатлѣніе воздуха. И въ пьесахъ, которыхъ главнѣйшее достоинство есть незримый воздухъ—слѣдуетъ дать это неуловимое соотношеніе. Стало быть, не натуралистическій пріемъ здѣсь нуженъ, а совершенно иной. Сценическая „ложь“ подчасъ необходимѣе, съ режиссерской точки зрѣнія, сценической „правды“, и мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи режиссеры Художественно-Общедоступнаго частенко погрѣшаютъ. Сошлюсь для примѣра на „Одинокихъ“ Гауптмана: въ постановкѣ этой пьесы имѣются два, крайне примѣчательные, момента тщательной постановки: первый—это погоня за осой завтракающей семью Фокератовъ; второй—закулисное движеніе въ финалѣ пьесы, когда молодой Фокератъ утонулъ. Первый моментъ есть несомнѣнная натуралистическая правда, и однако, это ложь относительно пьесы; второй есть несомнѣнная ложь, и тѣмъ не менѣе, она правда, съ точки зрѣнія пьесы. Что именно такъ гоняются за осой—это совершенно вѣрно, можетъ быть, еще дольше продолжается эта погоня, и еще дольше хлопаютъ салфетками. Но въ этомъ буржуазномъ жанрѣ рѣшительно нѣтъ надобности. Онъ отвлекаетъ вниманіе отъ хода дѣйствія, и безразлично смѣшиваетъ и „одинокихъ“, и „неодинокихъ“, и званыхъ, и незваныхъ, превращая всѣхъ на минуту въ комическія фигуры. Но это вѣрно, какъ картина. Можно прозакладывать что угодно, что именно такъ дѣло и происходило, и иначе происходить не могло. Наоборотъ, шумъ, свистки, „людская молвь“, и тошотъ за сценой, и все это нарастаніе звуковъ, когда тонетъ Фокератъ—совершенная безмыслица, съ точки зрѣнія житейской правды. Дѣло происходитъ въ загородной усадьбѣ, куда семья удалась, для того, чтобы жить одиноко, поздней ночью, когда всѣ спятъ, на озерѣ, вокругъ котораго жилищъ не можетъ быть и т. д. Стало быть, эти сотни людскихъ голосовъ, десятки свистковъ, какъ будто на озерѣ собралась береговая стража со всей Германіи—очевиднѣйшій вздоръ. Но этотъ вздоръ производитъ именно то впечатлѣніе, какое нужно. Я скажу больше: это единственное, вѣрное замыслу Гауптмана, впечатлѣніе, ибо шумъ, окружающій трупъ молодого Фокерата, есть позднее раскаяніе буржуазной толпы, потопившей его. Этого хотѣлъ Гауптманъ, а не того, что изображаютъ режиссеры Художественнаго театра, создавая изъ Фокерата и Анны Мааръ—преничтожныхъ людшекъ. Если же допустить, что они намѣренно принижали эти фигуры, тогда посмертная симфонія надъ жертвой есть ложь двойная и сугубая.

Однимъ словомъ, какъ нельзя сказать, что искусство есть зеркало жизни, такъ точно невозможно утверждать это относительно театра. Искусство улучшаетъ и просвѣтляетъ жизнь. Такъ точно и театральное искусство—оно усугубляетъ тѣ признаки и черты, которые содѣйствуютъ идеализаціи предмета, и отбрасываетъ „безо всякія пошады“ то, что ослабляетъ впечатлѣніе художественности. Слѣдовательно, не всякая выдумка хороша и не всякая нужна, а только такая, которая способствуетъ ясненію и просвѣтленію художественной идеи. И еще одно замѣчаніе. Сущность художественнаго впечатлѣнія слагается, думается мнѣ, главнымъ образомъ, изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, изъ эмоциональныхъ ощущеній, и во-вторыхъ, изъ работы воображенія. Если воображенію нечего дѣлать, художественное впечатлѣніе скудно. Вы смотрите, положимъ, на пейзажъ. Знакомое мѣсто, знакомыя краски, и ваше удовольствіе состоитъ въ томъ, что вы до-

полняете воображеніемъ все то, что вами подсказано и намѣчено. Оттого вы чувствуете такъ ясно разницу между картиною и раскрашеною фотографіею. Искусство боится полноты, скажу я, перефразируя былую аксіому о томъ, что природа боится пустоты. Когда воссоздаваніе совпадаетъ съ тождественностью, это становится утомительнымъ, потому что воображенію больше дѣлать нечего. Угадывать—вотъ потребность художественнаго стремленія; создать въ своемъ воображеніи навѣянный образъ—вотъ истинное удовлетвореніе эстетическаго чувства.

Отсюда принципъ экономіи, какъ основаніе всякаго искусства. Чѣмъ проще и менѣе сложны средства, которыми вызывается художественное впечатлѣніе, тѣмъ искусство выше. Одинъ штрихъ даетъ иногда представленіе о человѣкѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ сотни мелкихъ штриховъ, и никогда сотни мелкихъ штриховъ не можетъ быть такъ типична, какъ одинъ штрихъ. И сущность таланта состоитъ не въ томъ, что множество деталей, спѣша, толкаясь и обгоняя другъ друга, слагаютъ художественный образъ, но въ томъ, что яркая деталь заставляетъ васъ самихъ создавать въ своемъ воображеніи безконечный рядъ признаковъ.

Отдавая полную дань уваженія режиссерамъ московскаго театра, я не могу, однако, не замѣтить, что они нисколько не экономны въ своихъ постановкахъ. Напримѣръ, въ „Докторъ Штокманъ“ два мальчика—сыновья доктора (кстати, ихъ изображаютъ женщины—вотъ такъ реализмъ!) каждый разъ, какъ остаются на сценѣ начинаютъ выкидывать какіе-то гимнастическіе курбеты. Разумѣется, это вполне возможно, какъ одинаково возможно, что они сядились на полъ, или снимали сапоги, или сморкались, или еще что-нибудь дѣлали. Но это штрихъ совершенно излишній, отвлекающій вниманіе отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Во время бесѣды Штокмана съ Асланксомъ, входитъ Катерина, жена Штокмана, будто бы, за ключами, причемъ происходитъ цѣлая мимическая сцена между гостемъ и хозяйкой. Опять совершенно ненужная подробность, хотя она, несомнѣнно возможна. Могла зайти хозяйка дома, могла

залетѣть сорока или вбѣжать кошка. Это—тоже была бы подробность. Могъ Штокманъ, по разнымъ надобностямъ, на минутку отлучиться. И это подробность. Въ типографіи раздается свистокъ, и въ теченіи двухъ-трехъ минутъ, вниманіе зрителя отвлекается отъ интриги и сосредоточивается на томъ, какъ толпа типографскихъ рабочихъ, въ разнообразныхъ костюмахъ, расходится по домамъ. Подробность, какъ и всякая иная, но для чего она? Во-первыхъ, она не даетъ никакого типическаго представленія о типичномъ бытѣ, а во-вторыхъ, въ задачу автора и не входило изображеніе этого быта.

Такихъ примѣровъ можно указать множество. Режиссерская часть ставится какъ будто искус-

ствомъ самодовлѣющимъ и самолюбующимся, и въ пьесы вставляется какъ бы рядъ дивертисментовъ.

Такой-же рядъ дивертисментовъ встрѣчается порой и въ игрѣ самаго г. Станиславскаго.—Напримѣръ, въ „Штокманъ“ онъ зачѣмъ-то кличетъ жену, и кличъ этотъ производитъ такимъ образомъ: начинается въ главной комнатѣ, расположенной на сценѣ, потомъ переходитъ въ дѣтскую, отсюда въ коридоръ, изъ коридора въ столовую, и въ каждой комнатѣ кличетъ. Вы скажете, что это жизненно, и что театръ есть зеркало жизни. А я вамъ отвѣчу, что почему бы ему не выйти на дворъ, на улицу, почему вы полагаете, что онъ звалъ жену въ теченіи минуты, а не цѣлыхъ десяти минутъ? Вѣдь это еще жизненнѣе и еще чаще происходитъ въ дѣйствительности.

И въ томъ-же „Штокманъ“ есть сцена, въ режиссерскомъ отношеніи поставленная изумительно. Я говорю о 4 дѣйствіи т. е. о сценѣ митинга. И тутъ есть маленькія ненужности, но онѣ ничтожны, въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно, безотлагательно необходимо. Когда при открытіи занавѣсы, вы видите послѣднія приготовленія залы къ собранію, это не производитъ на васъ впечатлѣнія ненужности. Да, это необходимо. Нужно предпослать какія-то дѣйствія, которыя подготовили бы зрителя къ предстоящему собранію. И чутье подсказало режиссеру, что этихъ предварительныхъ дѣйствій должно быть именно столько, не больше и не меньше. Ибо если бы не это чутье, а реализмъ и „театръ есть зеркало жизни“, то почему бы не начать дѣйствія съ того, какъ моютъ полы въ залѣ и т. п.? И вотъ, слѣдовательно, единственное мѣрило искусства: не зеркало жизни, а чутье художника.

Знаете, еще почему мнѣ лично кажется вредной излишняя детальность постановки? Потому, что она принижаетъ окончательно героическій элементъ театра. Быть можетъ правъ Карлейль, полагавшій, что все значительное въ нашей жизни основано на культѣ и обожаніи героевъ. Значеніе театра для общества потому такъ и велико, что это единственная, сохранившаяся до нашего времени, форма обоготворенія героевъ. Въ театрѣ сидитъ толпа,—„на театрѣ“, какъ говорили въ старину, находятся герои. И страсть къ театру есть въ своей основѣ страсть къ героическому. Никомъ образомъ не жизнь ищемъ мы на сценѣ, но непременно „сверхъ-жизнь“, потрясеніе исключительное, людей, которыхъ слѣдуетъ до самозабвенія любить или до самозабвенія ненавидѣть.

Обиліе подробностей реальной жизни и повседневности, если можно выразиться, понижаютъ

«Одинокій».

(Шаржъ А. Л.—ва).

«Одинокіе».

Старикъ-Фокератъ (Г. Санинъ).

подмостки до уровня партера. Стоит протянуть руку, и мы можем обмѣняться рукопожатіемъ съ актеромъ. Это очень помогаетъ въ такихъ пьесахъ, какъ напримѣръ, „Дядя Ваня“. Сколько бы въ нихъ ни было мелочныхъ и мелкихъ деталей, это только способствуетъ впечатлѣнію. И вѣтеръ, и дождь, и пузырьки съ лекарствами, и скрипяція качели, и кусокъ сыру на буфетѣ, и хомуты на стѣнѣ, и дверь на блокѣ, и всё эти томительныя, ничѣмъ не наполненныя паузы—да это и есть тотъ самый пейзажъ, который намъ рисуетъ Чеховъ.

И люди у него также случайно, безцѣльно прикрѣплены къ жизни, какъ хомуты, чайные стаканы, сыръ, гитара. Онъ и не желаетъ, чтобы воображеніе работало въ вышину. Онъ стремится всѣми силами обратить его долу. Нѣтъ выхода. Нельзя воспарить. Надо ползть по землѣ. Вотъ сыръ, вотъ гитара, вотъ хомуты, сверчокъ, бубенчики, водка — и довольно. Но я не думаю, чтобы такова была задача Гауптмана и особенно Ибсена, зовущаго насъ къ воскресенію, къ пробужденію, къ силѣ, красотѣ и волѣ, которыми предстоитъ замѣнить мораль. И тутъ я нахожу, что эта обстановочность, конкретность сцены скорѣе вредятъ выраженію художественныхъ намѣреній авторовъ. Зритель погрязаетъ въ жизни, и чѣмъ больше бутафоріи, тѣмъ труднѣе ему подняться на высоту.

Я началъ съ того, съ чего начинаютъ режиссеры московскаго театра — съ обстановки. Объ исполнителяхъ поговорю въ слѣдующій разъ.

А. К.—ель.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Новый уставъ справочно-статистическихъ Бюро Русскаго Театральнаго Общества надняхъ утвержденъ правительствомъ.

А. И. Южинъ, предъ отъѣздомъ на гастроли въ Сербію, пріѣхалъ въ Петербургъ, и отсюда прямо отправится въ Бѣлградъ. 27-го февраля онъ играетъ „Рюи-Блаза“, 1-го марта — „Ричарда III“ и 3-го — „Макбета“. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ явиться въ русскіе пьесахъ, такъ какъ въ Сербіи почти неизвѣстны русскія драматическія произведенія. Даже „Горе отъ ума“ ни разу не шло, хотя переведено. Переведена „Свадьба Кречинскаго“, но тоже не шла. Пожелаемъ А. И. Южину успѣховъ въ его поѣздкѣ. Напрасно русскіе актеры не обращаютъ должнаго вниманія на славянскія земли. Это край еще неизвѣданный. Говорятъ также, будто-бы г. Орленевъ собирается въ концѣ лѣта побывать въ Галиціи.

Съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора, на Оминой недѣлѣ, въ московскомъ Маломъ театрѣ состоится 5-ть гастролей Томазо Сальвини.

„Россия“ сообщаетъ о конфликтѣ въ театрѣ Корша. Реформа г. Синельникова не поправилась труппѣ, поставившей, будто бы г. Коршу ультиматумъ: или труппа въ полномъ составѣ расторгаетъ (?) свои контракты, или г. Синельниковъ долженъ быть устраненъ отъ обязанностей режиссера.

Дирекція московской частной оперы пригласила на будущій сезонъ на должность режиссера Н. Н. Боголюбова, за вѣдующаго въ настоящее время опернымъ отдѣломъ въ бюро Русскаго Театральнаго Общества.

Намъ пишутъ изъ Вильны: По исполнительному листу, выданному, какъ извѣстно читателямъ, судомъ въ удовлетвореніе иска г-жи Бахтіаровой къ „бывшей дирекціи“, была описана на прошлой недѣлѣ сцена и партеръ Ма-

лого (городскаго) театра. Но вскорѣ печати были сняты, изъ чего можно заключить, что г-жа Бахтіарова получила неустойку и всю, причитающуюся ей за недослуженную часть сезона, сумму. Если это такъ, поздравляемъ г-жу Бахтіарову.

М. М. Читау вышла изъ состава Совѣта Русскаго Театральнаго Общества.

По слухамъ, Н. Н. Соловцевъ, при заключеніи контракта съ актерами на будущій сезонъ, уничтожаетъ раздѣленіе ролей на первыя и вторыя, обязывая актеровъ въ интересахъ ансамбля играть роли, назначенныя имъ режиссеромъ.

Экзаменаціонные спектакли учениковъ Императорскихъ драматическихъ курсовъ будутъ происходить въ нынѣшнемъ году въ Михайловскомъ театрѣ по понедѣльникамъ, 26 февраля, 5 и 12 марта. Для перваго спектакля поставлено будетъ: два дѣйствія комедіи Шпажинскаго «Фофанъ», два дѣйствія его-же драмы «Маіорша» и шутка Пальерона «Искорка». Для втораго спектакля: 3, 4 и 5 дѣйствія изъ комедіи Дьяченки «Свѣтскія ширмы», сцены изъ комедіи Островскаго «Правда хорошо», водевилъ «Капризница» и «Разговоръ двухъ дамъ». Для третьяго спектакля: пьесы Хмельницкаго «Свѣтскій случай» и «Воздушные замки», вторая картина «Каменнаго гостя» Пушкина и сцены изъ «Школы женъ» Мольера и «Псковитянки» Мел.

Всѣхъ экзаменующихся 11 человекъ; изъ нихъ 4 мужчинъ и 7 женщинъ.

† А. В. Старковъ. 26 января скончался въ г. Читѣ (Забайкальской обл.), отъ брюшнаго тифа и воспаленія легкихъ актеръ Александръ Васильевичъ Старковъ.

27 февраля, какъ извѣстно, въ театрѣ попечительства о народной трезвости празднуется 25-ти лѣтній юбилей заслуженнаго артиста, Д. В. Вольфа. Сообщаемъ нѣкоторыя подробности о почтенномъ юбилярѣ.

Службу свою Д. В. началъ въ 1875 г. въ Бердянскѣ, въ антрепризѣ П. А. Полторацкаго, и жалованья получалъ... 15 рублей! Затѣмъ служилъ зиму 1876 г. въ Таганрогѣ и тамъ же въ 77—78 гг. въ драмѣ въ товариществѣ М. Ф. Яковлева. Изъ другихъ городовъ отмѣтимъ: Орель (антреприза Воронкова), Смоленскъ, антрепр. Эвальда Гохъ, Астрахань, антр. А. И. Соколовскаго, Баку, антр. Васильева-Вятскаго, Самара, антр. Медвѣдева, и пр. Какъ истинно русскій актеръ, побывалъ и въ Вологдѣ и въ Крыму, былъ и суфлеромъ, и игралъ въ водевиляхъ. Въ Москвѣ Д. В. Вольфъ служилъ нѣсколько сезоновъ въ «Скоморохѣ». Въ Петербургѣ, сезонъ 1884/5 служилъ у П. И. Казанцева, затѣмъ въ Гельсингфорсѣ, у Ильменскаго, въ 1886 г. въ Василеостровскомъ театрѣ, у Денисенко, въ 1895 г. у П. В. Тумпакова. Попробовалъ онъ и собственную антрепризу, въ Кунцевѣ подъ Москвой. Былъ

Д. В. Вольфъ.
(Къ юбилею).

режиссеромъ въ Кронштадтѣ... Да куда судьба не заносила русскаго актера? Съ 1 января 1898 г., Д. В. Вольфъ находится на службѣ въ Попечительствѣ, и кажется, нашелъ здѣсь тихую пристань.

Одно время онъ режиссировалъ спектаклями Попечительства, устраиваемыми въ Екатеринбургскомъ саду. По репертуару, это былъ одинъ изъ лучшихъ сезоновъ Попечительства: ставились почти исключительно произведенія Островскаго, Потапкина и другихъ русскихъ классиковъ.

Какъ исполнитель, г. Вольфъ является несомнѣнно однимъ изъ самыхъ полезныхъ членовъ труппы. За свое пребываніе въ Попечительствѣ онъ переигралъ массу ролей самаго разнообразнаго характера, начиная отъ резонеровъ (прямое назначеніе г. Вольфа) и кончая такими ролями, какъ Блудинъ, Никита («Власть тьмы») и др.

* * *

26 февраля исполняется 30 лѣтъ со времени перваго концерта В. И. Главача въ Россіи. В. И. родился въ Ледечѣ въ Богеміи. Окончивъ 16 лѣтъ пражскую консерваторію, онъ былъ приглашенъ занять должность дирижера въ Оравицъ и Вршацъ (Венгерская Сербія), въ пѣвческое общество. Въ Вѣнѣ онъ выступалъ какъ виртуозъ, импровизаторъ и дирижеръ. Въ 70 г. В. И. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ въ оркестръ итальянской оперы. Артистъ съ успѣхомъ руководилъ общедоступными концертами въ петербургскомъ собраніи художниковъ 1875—81 гг. Множество русскихъ произведеній увидѣли свѣтъ впервые при посредствѣ г. Главача. За время своего пребыванія въ Россіи г. Главачъ продирижировалъ 1,630 концертами: въ собраніи художниковъ, въ Озеркахъ, въ Павловскѣ, въ Москвѣ, на

В. И. Главачъ.

выставкахъ: нижегородской, кievской, парижской, чикагской, антверпенской, въ Сестротцкѣ, въ залѣ Кононова и на университетскихъ вечерахъ.

* * *

Петербургская пресса не мало удѣлила мѣста спектаклямъ московскаго Художественно-Общедоступнаго театра. Художественный успѣхъ москвичей не достигъ размѣровъ матеріальнаго, который можно считать исключительнымъ. Въ настоящее время нельзя достать ни одного билета до 18 марта.

„Нов.“, по поводу постановки „Дяди Вани“, замѣчаютъ:

«Первое впечатлѣніе, можно выразить словами: «Оригинально, безусловно оригинально!». И въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ къ этому опредѣленію прибавилось еще одно: «Оригинально и естественно». Последняя прибавка и является самымъ важнымъ для цѣлага. Потому что, если постановка носила-бы слѣды только оригинальности, эксцентричности, изысканности,—то, въ сущности, ничего не стоила бы».

Но на другой день, по поводу „Одинокихъ“, газета высказывается уже въ отрицательномъ смыслѣ.

«Исполненіе „Одинокихъ“ московскими гастролерами, замѣчаетъ критикъ этой газеты, меня совершенно не удовлетворило, да едва-ли и могло кого удовлетворить. Правда, внѣшняя техническая и декоративная обстановка безупречна, остроумно задумана и выполнена. Но о выдержанности извѣстнаго тона, стили исполненія—не было и рѣчи».

„Нов. Вр.“ отмѣчаетъ, что „актеры, изображающіе чеховскихъ героевъ, горадо слабѣе обстановки“. Тѣмъ не менѣе

«все-таки чувствуется ансамбль, общій тонъ, настроеніе. Все это дѣло рукъ г. Станиславскаго. Самъ онъ играетъ прекрасно, хотя не всегда ровно и часто размѣнивается на внѣшнюю отдѣлку роли вопреки внутреннему смыслу. Остальные актеры только подыгрываютъ ему».

Послѣ „Одинокихъ“ и эта газета высказалась въ отрицательномъ смыслѣ. Особенно досталось актерамъ.

„Бирж. Вѣд.“ про „Одинокихъ“ пишутъ:

Общее впечатлѣніе игры актеровъ—далеко не удовлетворяющее, и это обстоятельство какъ-то особенно подчеркивается успѣхомъ перваго спектакля.

Что касается обычныхъ мелкихъ деталей постановки, то газета замѣчаетъ, что онѣ имѣютъ

«горадо большій резонъ въ пьесахъ съ рѣзко выраженнымъ настроеніемъ. Всѣ такія детали прекрасно пополнили впечатлѣніе въ „Дядѣ Ванѣ“. Но все это иногда звучало далеко неважно, привнесною подробностью въ чисто-бытовыхъ, подчасъ полу-комическихъ сценахъ „Одинокихъ“, иногда почти отвлекали вниманіе зрителя отъ болѣе существеннаго,—отъ діалога исполнителей».

Наконецъ, критикъ „Пет. Вѣд.“ отмѣчаетъ, что онъ, при представленіи „Одинокихъ“,

«не замѣтилъ въ исполненіи актеровъ Художественнаго театра стилистности. Въ драмѣ Гауптмана, какъ исполняютъ ее московские артисты, типичными нѣмцами являются только старикъ Фокератъ, его жена, да еще, пожалуй, художникъ Браунъ».

Изъ отдѣльныхъ исполнителей, кромѣ г. Станиславскаго, Савина и г-жи Ливиной мало кто поощряется. Рѣшительно не понравилась въ Петербургѣ г-жа Клишнеръ на долю которой въ Москвѣ выпадало много похвалъ. „Штокманъ“ вызвалъ овацію публики.

* * *

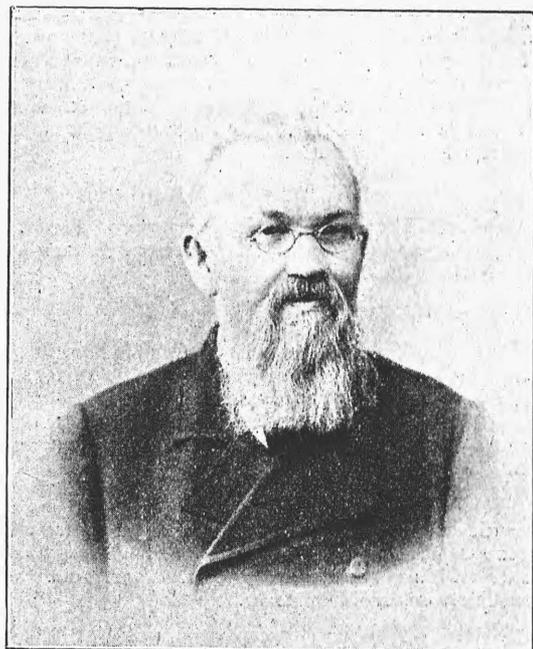
† А. Д. Жуковъ-Арсеньевъ. 21 февраля, въ больницѣ Маріи Магдалины, скончался послѣ тяжкой болѣзни—рака въ горлѣ извѣстный провинціальный артистъ Александръ Дмитріевичъ Жуковъ-Арсеньевъ 68 лѣтъ. Служилъ во многихъ городахъ Россіи, а послѣдніе три года былъ въ Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ.

* * *

«Петръ Великій». Пресловутая пьеса Викт. Крылова, поставлена, наконецъ, 19 февраля на сценѣ Народнаго дома Императора Николая II. Еще раньше—18 февраля,—состоялось неофициальное представленіе той же пьесы для почетныхъ гостей. Присутствовалъ на этомъ спектаклѣ почти весь литературный, художественный и сановный міръ Петербурга. Однимъ словомъ это былъ попечительскій спектакль—gala.

Г. Крыловъ назвалъ свое произведеніе «исторической хроникой въ пяти дѣйствіяхъ и тринадцати картинахъ». Это заглавіе можно безъ всякаго ущерба замѣнить другимъ «историческая пошлость». Обидно, какъ всякая пошлость и обыденщина развѣнчиваютъ исторію, умаляютъ ее и сообщаютъ ей какой-то букетъ балаганщины, которая претитъ чуткому зрителю.

Опошленъ одинъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ моментовъ исторіи. Мнѣ скажутъ, что пьеса почти не расходится съ фактами, съ которыми знакомитъ насъ исторія. Пусть будетъ такъ. Но въдѣ даже элементарный курсъ Иловайскаго, не смотря на всю сухость изложенія, не мѣшаетъ, не пренитсвуетъ работать нашему воображенію. Это воображеніе непремѣнно превратитъ историческихъ героевъ въ гигантовъ. Такова поэзія исторіи. Намъ трудно вообразить, чтобы великая душа заключалась въ

А. С. Суворинъ.

(Къ 25-лѣтію «Новаго Времени» 28 февраля.

мизерной оболочкѣ. Все великое въ нашемъ воображеніи рисуется непременно въ ореолѣ прекраснаго. Таковъ характеръ всякаго мѣта и всякой исторіи.

Теперь представьте себѣ слѣдующее положеніе.

Вашихъ знакомыхъ, такихъ-же маленькихъ и ничтожныхъ, какъ и вы сами, одѣли въ костюмы мало знакомыхъ вамъ героевъ. Затѣмъ, увѣривъ васъ, что это копія дѣйствительности, заставили этихъ переодѣтыхъ знакомцевъ рассказывать отъ лица героевъ про ихъ великія дѣла. Неужели вы, смотря на нихъ и вѣря, что они какъ двѣ капли воды похожи на изображаемыхъ героевъ, не усомнитесь въ силахъ героевъ? Думаю, что—да. Въ лучшемъ же случаѣ, вы составите объ этихъ герояхъ превратное мнѣніе.

Въ «Петрѣ Великомъ» г. Крылова, гг. Печорины, Дементьевы и пр. будутъ въ скучныхъ и дубоватыхъ стихахъ рассказывать народу (и рассказывать очень плохо) про дѣянія Петра Великаго и его современниковъ. Какой-же образъ Петра Великаго составитъ у народа?.. Думаю, что самый превратный и, вѣроятно, самый ничтожный.

Иное дѣло было-бы, еслибы г. Крыловъ, взявъ какой-либо отдѣльный моментъ изъ исторіи Петра и, освѣтивъ его силой истиннаго художественнаго таланта, заставилъ зрителя повѣрить въ мощь духа этого героя. Но для этого нуженъ талантъ. А знаетъ-ли г. Крыловъ, что такое художественный талантъ?

Его силъ хватило только на то, чтобы составить «хронику» по курсу Иловайскаго. Получилась какая-то феерія хуже лсморозенныхъ произведеній г. Алексѣева. Она прежде всего не литературна, потому что въ ней нѣтъ ни характернаго языка, ни естественности положеній, ни настроенія, ни интриги. Это просто рядъ картинъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой. Любую изъ нихъ можно выкинуть, переставить, начать съ конца и кончить началомъ—и отъ этого пьеса ничего не проиграетъ.

Меня не удивляетъ, что г. Крыловъ написалъ подобную пьесу: его дѣло — коммерческое дѣло. Ему заказали, онъ и слѣлалъ, что могъ. Но для чего ему заказывали?..

Остается сказать еще нѣсколько словъ про обстановку и исполненіе.

Вамъ, вѣроятно, неоднократно попадались въ руки лубочныя картинки, издаваемые для «народа» на московскомъ Никольскомъ рынкѣ. Что изображено на этихъ картинкахъ—разобрать обыкновенно трудно. Для этого необходимо взглянуть на надпись. Вы читаете: «Юаннь Грозный», «Петръ Великій» и пр., а въ душѣ думаете: «Вѣдь вотъ поди ты, я и не думалъ, что Грозный такъ похожъ на камердинера».

Когда, напр., на сценѣ появился впервые г. Дементьевъ, то я рѣшилъ, что это опереточный маркизъ де-Корневиль. Но зачѣмъ онъ въ этой пьесѣ? Оказалось на дѣлѣ, что это и есть самый Петръ Великій. Такъ изображаетъ его г. Дементьевъ. Затѣмъ передъ началомъ 5-й картины я прочелъ въ афишѣ: «дѣйствіе происходитъ подлѣ Полтавой». Но вотъ поднимается занавѣсъ. Сначала все честь честью: на переднемъ планѣ деревенскія хатки и пр. Взглядываю затѣмъ на заднюю декорацию и—о, ужасъ!—вижу тамъ какіе-то шпильи, башни, церкви изысканной архитектуры. Совсѣмъ крѣпость! И это-то изображаетъ Полтаву въ 1709 г.

Остальныя декорации достаточно безжакны.

Что касается исполнителей, то большинство изъ нихъ не многимъ отличалось отъ г. Дементьева. Впрочемъ, лучше другихъ, во всякомъ случаѣ, были: г-жи Никитина, Райдина, гг. Печоринъ, Розень-Санинъ, Вольфъ и Скарятинъ. Но, Боже мой, сколько въ труппѣ шепелявыхъ, картавыхъ и вообще горящихъ на какомъ угодно языкѣ, но только не на русскомъ. Цѣлая колонія косноязычныхъ!

Вл. Линскій.

* * *

На послѣдней образовательной бесѣдѣ учащихся въ консерваторіи, состоявшейся въ среду, 21 февраля, въ небольшомъ конференцъ-залѣ, А. П. Коптяевъ прочелъ лекцію: «О Евгеніи д'Альберѣ, какъ художникѣ», сопровождавшуюся музыкальными иллюстраціями. Можно сказать, лекторъ открылъ д'Альбера, разумеется, не какъ пианиста (это значило бы открывать Средиземное море), а какъ композитора. Характеръ музыки д'Альбера и всѣхъ его сюжетовъ — беспросвѣтность, безвыходный мракъ, не смягчаемый никакими попытками къ примиренію. Просвѣты, отдыхъ, мягкій лиризмъ, любовь появляется лишь для того, чтобы смѣняющій ихъ ужасъ былъ еще ощутительнѣе. Такова характеристика этой интересной художественной индивидуальности. Подробныя ссылки на самыя произведенія и краткая біографія художника дали этой характеристикѣ требуемое подтвержденіе.

Иллюстрировалось исполненіе на этотъ разъ не учащимися консерваторіи, такъ какъ даже предполагавшейся ученической квартетъ оказался на лицо. Впрочемъ, и предметъ лекціи нѣсколько выходилъ за предѣлы ученическаго кругозора. Г. Медемъ съ рѣдкимъ умѣньемъ сыгралъ студию д'Альбера на мотивахъ собственной оперы «Гюисмонда» и балладу *fis-moll*. Послѣдняя вещь производитъ сильное впечатлѣніе почти титаническими порываніями скованнаго духа. Безъ достаточнаго

темперамента, сыграла г-жа Венгерова *andante* изъ сонаты. Пѣвицы, г-жа Янова и г-жа Бруно, въ исполненіи интересныхъ романсовъ дали, что могли. Аккомпанировалъ лекторъ. Любопытно еще, что въ заключеніе А. П. Коптяевъ отмѣтилъ гордость д'Альбера, не имѣвшаго иныхъ учителей композиціи, кромѣ великихъ творцовъ искусства: — въ стѣнахъ консерваторіи такой финалъ звучалъ довольно пикантно. Д. Э.

* * *

Насъ просятъ напечатать слѣдующее заявленіе:

Лица, имѣющія отношеніе къ музыкальному искусству (русскіе композиторы, артисты, музыкальные критики и изслѣдователи педагогич., издатели и др.), еще не сообщившія своихъ біографическихъ свѣдѣній составителю біографическаго словаря русскихъ музыкальныхъ дѣятелей П. П. Веймарну, благоволятъ доставить ему таковыя въ скорѣйшемъ времени по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Каб. № 22, кв. № 11.

* * *

Наши артисты вполнѣ заслуживаютъ упрека, который имъ часто дѣлается,—въ устарѣлости репертуара. Они рѣдко интересуются новыми произведеніями, а предпочитаютъ пробавляться пьесами, давно набившими оскомину и вызывающими одну лишь скуку. Приятное исключеніе, въ этомъ отношеніи, представлялъ концертъ, устроенный 20 февраля въ залѣ Кредитнаго общества гг. Морскимъ и Длусскимъ. Въ программѣ преобладали произведенія новыя или мало извѣстныя, но достойныя полнаго вниманія. Среди новыхъ произведеній слѣдуетъ выдѣлить сочиненія самого г. Длусскаго, извѣстнаго автора многочисленныхъ и весьма популярныхъ романсовъ. Особенно интересно было познакомиться съ отрывками изъ новой оперы г. Длусскаго «Урвази». Не зная содержанія оперы, трудно судить, насколько новое произведеніе удовлетворяетъ сценическимъ требованіямъ. Но какъ лирическіе нумера, исполняемые на концертной эстрадѣ, они производятъ превосходное впечатлѣніе, отличаясь обычными достоинствами г. Длусскаго — музыкальностью, сердечностью и благородствомъ стиля. Изъ другихъ произведеній г. Длусскаго наибольшій успѣхъ выпалъ на эффектный романсъ «А счастья нѣтъ», изячно и музыкально исполненный г. Никитинимъ. Большой интересъ возбудила исполненная г. Морскимъ арія изъ оперы г. Блейхмана «Принцесса Греза», съ успѣхомъ исполнявшейся въ Москвѣ, но неизвѣстной у насъ. Понравился и романсъ г. Иванова «Спросили они». Г. Морской былъ въ этотъ вечеръ въ ударѣ и исполнилъ такую программу, которая подлѣ силу лишь вполнѣ увѣренному въ своихъ силахъ артисту. Успѣхъ г. Морскаго дѣлалъ и остальные участвовавшіе въ концертѣ артисты: г-жи Гладкая и Гашинская и гг. Никитинъ и Домбровскій. Слѣдуетъ отмѣтить въ высшей степени художественный аккомпаниментъ г. Длусскаго, который, какъ аккомпаниаторъ, не имѣетъ у насъ соперниковъ.

* * *

Гастроли Тины ди-Лоренцо. Тина ди-Лоренцо въ Петербургѣ гастролировала года четыре тому назадъ. Съ тѣхъ поръ артистка не только ни чему не научилась, но, повидимому, много забыла. Тогда въ ней все-таки чувствовалось что-то своеобразное, хотя подлѣ видомъ этого своеобразія зачастую сходилась простая «выучка». Артистка, казалась хорошо вышколенной и въ этомъ была ея сила. Это было только *мастерство*, которое ничуть не трогало зрителя, не волновало его душу, но которое все-же изрѣдка шевелило любопытство.

Теперь, увы, и этого нѣтъ. Артистка играетъ еще ремесленнѣе, однообразнѣе: одни и тѣ же жесты, одни и тѣ же пріемы въ сильно-драматическихъ мѣстахъ, наконецъ, однѣ и тѣ же, разъ навсегда заученныя, интонаціи. Фру-Фру она играетъ такъ же, какъ Маргариту Готье, а Маргариту точъ-въ-точъ, какъ Татьяну Рѣпину.

Я видѣлъ Тину ди-Лоренцо въ трехъ роляхъ: Маргариты Готье, Жильберты (Фру-Фру) и Татьяны Рѣпиной. Въ первой роли артистка несомнѣнно даже не разбирается. Рядомъ съ нѣсколькими удачными мѣстами въ ея исполненіи встрѣчаются въ высшей степени грубые штрихи, не говоря уже о послѣднемъ актѣ, который представляетъ сплошную фальшь.

Жильберту она играетъ значительно лучше, но только опять-таки до послѣдняго акта, который она весь ведетъ сдавленнымъ, а потому и непріятнымъ голосомъ. Но главное, въ артисткѣ все время чувствуется что-то здоровое и жизнерадостное, даже, если хотіе, что-то животное, что мѣшаетъ впечатлѣнію въ драматическихъ мѣстахъ.

Наибольшій интересъ возбудила въ ея исполненіи Татьяна Рѣпина.

Во всякомъ случаѣ, хорошо, что иностранные артисты считаютъ необходимымъ выступать въ нашихъ пьесахъ. Очень курьезны, съ русской точки зрѣнія, были нѣкоторые итальянскіе исполнители въ роляхъ Зонненштейна, Сабина и др.

О. Д.

* * *

Въ театр Литературно-Художественнаго театра состоялась дебютъ небезызвестной провинціальной артистки г-жи Андросовой, въ «Безправной» и «Зазан». Г-жа Андросова имѣла успѣхъ только въ послѣдней пьесѣ. Для роли Кати въ «Безправной» у нея не хватало драматизма и чувства; самый голосъ ея тривіаленъ по тембру. Въ «Зазан», наоборотъ, г-жа Андросова оставила весьма пріятное впечатлѣніе. Она чувствуетъ эту роль, правдою передаетъ ее, сообщаетъ образу вѣрное освѣщеніе. У нея красивыя движенія, хороши паузы, много простоты и жизненности. Выразительныя же средства артистки, голосъ и мимика, довольно слабы. Кстати, г-жа Андросова не умѣетъ ея и гримироваться. При всемъ томъ, это артистка съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Какъ мы слышали, она принята въ труппу театра.

«Чародѣйка», «Буреломъ», «Мадамъ Санъ-Женъ», «Маскарадъ», «Коварство и любовь», «Отцы и дѣти», «Полусвѣтъ», «Сибирскій Риголетто», «Исторія одного увлеченія», «Кинъ», «Уриэль Акоста», «Мертвыя души», «Братья Карамазовы», «Въ новомъ Гетто», «Рабыни веселья», «На вѣчную каторгу» и др. Валовой сборъ 1-го мѣсяца 1489 р. 31 к., 2-го мѣсяца 3221 р. 62 к., 3-го мѣсяца 2182 р. 52 к., 4-й мѣсяцъ далъ 3214 р. и 5-й до 11 февраля 1222 р. 84 к. Всего за сезонъ взято — 12077 р. 14 к. (включая сюда спектакли, даваемые въ военной крѣпости, и въширку. арендуемую антрепризой). Расходу за сезонъ 13572 р. 94 к. Антреприза понесла убытку 1495 р. 80 к.

ОДАЧА ТЕАТРОВЪ и АНГАЖЕМЕНТЫ.

Елизаветградъ. Зимній сезонъ 1901—2 гг. Театръ снятъ В. В. Несмѣльскимъ за 3500 р Бердянскъ. Лѣто. Антреприза М. А. Борисовой.

Витебскъ. Зима 1901—2 гг. Театръ сланъ г. Витарскому.

Воронежъ. Лѣто. Антреприза В. К. Верховскаго. Приглашены на гастроли бр. Адельгеймы.

Томскъ. Лѣто. Антреприза Л. М. Самойловой. Режиссеръ г. Богдановичъ.

Вильно. Городъ предложилъ г. Бородаю снятъ на будущій сезонъ театръ для постановки драматическихъ спектаклей. Отвѣта еще не получено.

Саратовъ. Съ 20 февраля начались спектакли товарищества М. М. Борода. Въ составъ труппы, кромѣ знакомыхъ уже саратовцамъ артистовъ (г-жи Шебуева, Миличъ, Семенова, г-г. Смирновъ, Павленковъ, Наумовъ и др.), входятъ еще извѣстная артистка Азогарова и иргѣнцъ г-жа Лодина. Кромѣ того, предложены гастроли г-жи Комми саржевской и г. Варламова, г-жъ Яворской и М. М. Петина. Сезонъ продолжится до 1-го мая. Въ репертуаръ намѣченъ рядъ новыхъ для Саратова, «премированныхъ» пьесъ, шедшихъ за послѣднее время въ Петербургъ, въ Маломъ театрѣ («Потемки души», «Безправная», «Пережитое» Радзивиловича и др.); кромѣ того, ставятся «Рабыни веселья».

Ялта. Отъ С. Н. Новикова поступило предложеніе сдать ему на 10 лѣтъ Мордвиновскій паркъ, для устройства лѣтняго театра.

Ростовъ на Дону. Драматическая труппа, начинающія со второй недѣли поста спектакли въ Асмоловскомъ театрѣ, составилась изъ слѣдующихъ персонажей. Женскій персоналъ: г-жи Азогарова, Александрова, Англичанова, Андросова, Калинкина, Карелина-Раичъ, Кубанская, Морская, Нольде, Панаева, Писарева, Расказова, Рѣшимова, Селиванова, Семенова, Туганова, Фетисова. Мужской персоналъ: г-г. Аркадьевъ, Вадимовъ, Донцовъ, Иконниковъ, Каширинъ, Михайловъ, Моревъ, Петровъ, Ростовцевъ, Строевъ, Тарскій, Шапошниковъ и Щенкинъ. Главный режиссеръ — В. Ю. Вадимовъ. Спектакли начались съ понедѣльника, 19 февраля, «Женитьбой Блугина», причѣмъ въ заглавной роли выступитъ впервые передъ нашей публикой артистъ А. И. Каширинъ.

Одесса. Въ 20-хъ числахъ мая въ Городскомъ театрѣ начнеть гастроли г. Орленевъ. Всѣхъ спектаклей дано будетъ 6 — 7. Г. Орленевъ будетъ играть, между прочимъ, Раскольниковъ въ «Преступленіи и Наказаніи».

Кромѣ того пойдетъ передѣланная г. Евдокимовымъ пьеса изъ романа Толстого «Воскресеніе».

Ростовъ на Дону. Изъ артистовъ мѣстной оперы подписали на лѣто: въ Петербургъ, къ г. Максакову: г-жа Бруно и г. Сангурскій, къ Бородаю: г-жа Никитская и г. Буравцовъ. — Послѣдній подписалъ на будущую зиму къ Салтыкову. Къ нему же кончилъ и капелмейстеръ г. Куперъ.

ИТОГИ СЕЗОНА.

Чернь. Антреприза М. А. Борисовой. Открытіе сезона 1 октября. Репертуаръ: «Лочь вѣка», «Майоршанъ», «Дядя Ваня», «Шыганка Занда», «Рыбы золота», «Счастіе въ уголь», «Право любить», «Аркадановы», «Накишь», «Русская свадьба»,

Составъ труппы. Г-жи Борисова, Изборская, Каренина, Муратова, Глушкова, Полинова, Боярова, Новикова, Стронская, Гг. Мирскій, Корчевъ, Воаровъ, Миролюбовъ, Любинъ, Ростовцевъ, Москвинъ, Свѣтляковъ. Помощи. режиссера Москвинъ, сфурьеръ Трубенка. Администраторъ труппы А. Л. Миролюбовъ. Самыми удачными бенефисами являются: М. А. Борисовой «Исторія одного увлеченія» (280 р.), М. З. Карениной «Идеальная жена» (278 р.), И. И. Изборской «Огни Ивановой ночи» (203 р.), Б. Ю. Мирскаго «Владимиръ Заревскій» и П. А. Боярова «Потемки души» (242 р.).

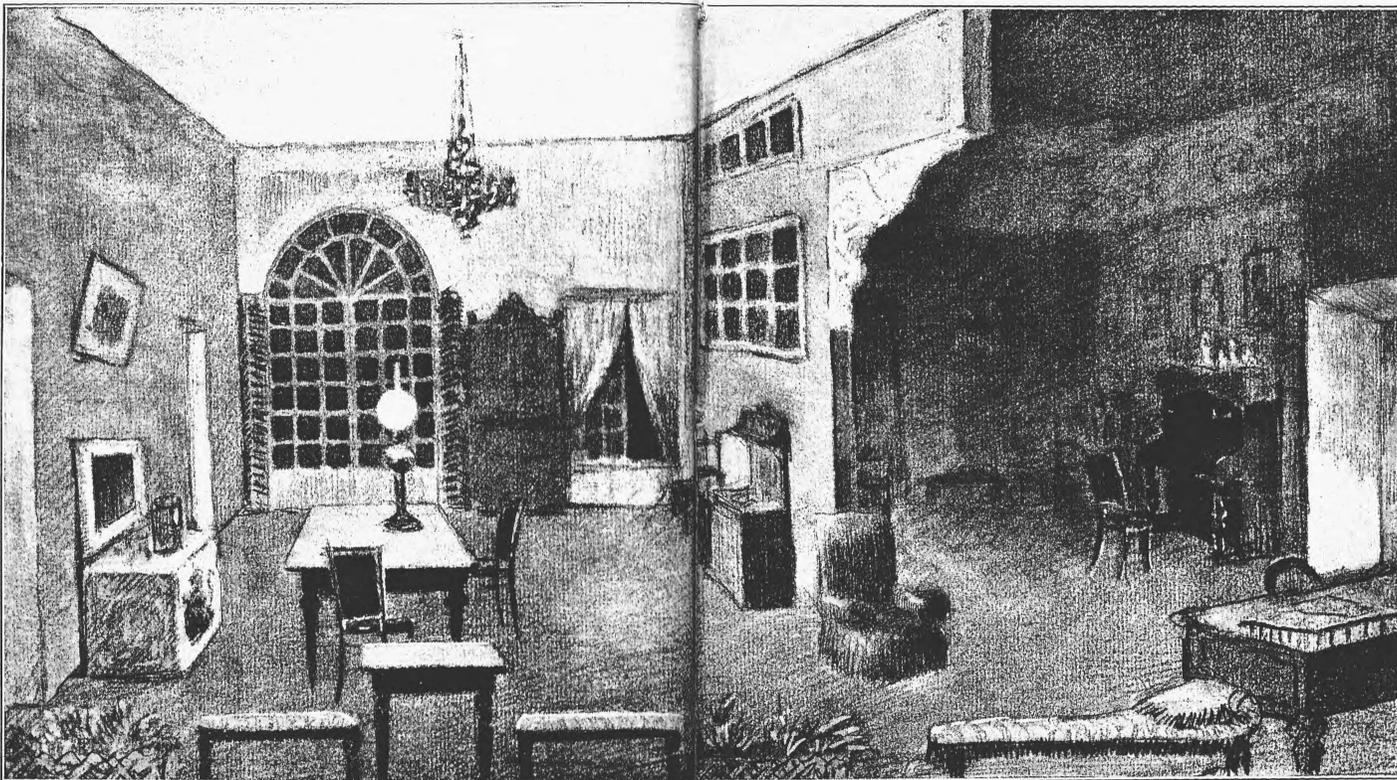
Нижній-Новгородъ. Изъ доставленнаго намъ отчета дѣятельности труппы г. Незлобина видно, что сезонъ въ Городскомъ театрѣ продолжался съ 17 сент. 1900 по 12 февраля 1901 г., всего 148 дней. Сыграно за это время 132 спектакля, изъ нихъ 29 утреннихъ (въ томъ числѣ 2 безплатныхъ для учащихся). Изъ авторовъ чаще другихъ ставились: Островскій (9 пьесъ и 16 спектаклей), Г. Гауптманъ (9 спектаклей и 2 пьесы), Графъ А. К. Толстой (трилогія — 8 спектаклей),

В. Сарду (6 спектаклей — 3 пьесы), Зудерманъ (5 пьесъ по 1 спектак.), Шиллеръ (4 спектак.), Левъ Толстой (2 пьесы) и по 1 пьесѣ: Скриба, С. Краузе, Шпажикскаго, Люма, Шекспира, Аверкиса и др. современныхъ авторовъ, «Сибгучка» Островскаго выдержала 7 представлений и дала 5 тысячъ сбору.

Валовая цифра сбора — 49000 р., изъ нихъ 27000 р. дали утренніе спектакли. Въ среднемъ, такимъ образомъ, приходится на каждый вечерній спектакль — 450 р., на утренній — 100 р.

Расходы же превысили расходъ на 9500 р. Въ эту сумму, между прочимъ, вошли расходы по сооруженію декораціи — 4500 р.

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

«Одинокіе», декорація и обстановка.

Рис. А. Любимова.

Театръ, какъ извѣстно, сланъ г. Незлобину на 3 года, слѣдовательно, аренда его продолжится еще на 2 года.

Елизаветградъ. Сезонъ оказался крайне неблагоприятнымъ для товарищества В. В. Несмѣльскаго. Въ то время, какъ въ прошломъ году валовой сборъ далъ 27 тыс., въ нынѣшнемъ году выручено только 16 тыс., благодаря чему товарищество потерпѣло значительный убытокъ.

Митава. Въ концѣ сезона залъ съ дано было 13 русскихъ спектаклей. Валовой сборъ — 3160 р., что въ среднемъ дало отъ спектакля 245.

Рязань. Г-жа Малиновская закончила сезонъ хотя и безъ дефицита, но и безъ прибыли.

Саратовъ. Валовой сборъ оперной труппы М. М. Борода въ саратовскій зимній сезонъ (съ 3 декабря по 11 февраля включительно) равняется 47898 рублямъ, т. е. почти 20000 р. въ мѣсяцъ и свыше 600 р. въ день. Это — небывалая цифра для Саратова.

Рыбинскъ. Всего взято за сезонъ товариществомъ 11800 р.

(изъ нихъ 542 р. за слачу театра любителямъ). На марки по-дѣльно 4600 р., а остальные 7200 р. составляютъ расходъ. Главныя статьи расхода: за театр — 150% отъ вечерневаго сбора, что составило за сезонъ 1775 р., и за костюмы — около 1000 р. За костюмы отъ спектакля вмѣсто 12 р., какъ было условлено, платились по 16 р. Произошло это потому, что по контракту товарищество было обязано ставить 4 спектакля въ недѣлю, но ставило только 3. Г. Максимовъ, представитель товарищества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяинъ костюмовъ, взималъ все-таки за 4 спектакля. Марокъ было 3400 (изъ этого числа 600 получалъ г. Максимовъ). На марку, такимъ образомъ, пришлось 30 к. (за рубль).

Тамбовъ. Антрепренеръ театра г. Крамесь взялъ за сезонъ 18 съ лишнимъ тысячъ, что дало около 3000 р. чистой прибыли.

Воронежъ. Г. Линтваревъ взялъ около 40 тысячъ валоваго сбора.

Рига. Особенныхъ дѣлъ русскаго труппа, подвизавшаяся въ «Ульбъ», не дѣлала. Сезонъ дотянулся до конца только благодаря 8000-й субсидіи.

Самара. Взято 55000 валоваго сбора, хотя расходы также большіе.

Таганрогъ. Антреприза г. Форкати закончилась очень печально. По слов. «Приа. Кр.», управляющій В. Л. Форкати г. Подвышевъ, какъ оказалось, не имѣлъ отъ него довѣренности на управленіе дѣлами, что повело къ цѣлому ряду недоразумѣній. Артисты не получали за послѣднее время жалованья и стали заявлять свои претензіи полиціи и мировому судѣ 7-го участка. Послѣдній выдалъ имъ исполнительные листы на предварительное наложеніе ареста на имущество антрепренера. Полиція арестовала сборы съ трехъ послѣднихъ спектаклей. Въ Кишиневъ дѣл. Форкати былъ отправленъ представитель отъ артистовъ для врученія ему повѣстокъ мирового судьи. Тѣмъ-же временемъ артисты послали по телеграфу предсѣдателя Театрального Общества жалобу на дѣйствія г. Форкати. Наконецъ, 14 января явился въ Таганрогъ и самъ антрепренеръ. Вечеромъ онъ собралъ въ театрѣ всѣхъ артистовъ и, принимая ихъ по одному въ уборной, сталъ требовать отъ нихъ отказа отъ телеграммы, посланной предсѣдателя Театрального Общества. Отказъ былъ изложенъ на бумагѣ и г. Форкати требовалъ, чтобы артисты подписали ее. Вмѣстѣ съ этимъ г. Форкати удовлетворилъ нѣкоторыхъ артистовъ жалованьемъ. Первыми получили: гг. Мещерскій, Вербинъ и др. На другой день, 15 февраля, всѣ не получившіе удовлетворенія артисты собрались въ камерѣ мирового судьи 7-го участка съ просьбой рассмотреть ихъ претензіи, пока Форкати находится въ Таганрогѣ. Немедленно чрезъ полицію были посланы повѣстки г. Форкати, а въ 12-мъ часу онъ явился и самъ въ камеру.

Первой была рассмотрѣна претензія г-жи Князевої, предъявившей искъ въ 93 р. 70 к. Мировой судья удовлетворилъ претензію г-жи Князевої полностью съ процентами по день уплаты и 15 р. судебныхъ издержекъ. Г-жа Свѣрина предъявила искъ въ 36 р. Форкати добровольно согласился уплатить эту сумму. Г-нъ Антоновъ, служившій въ театрѣ контролеромъ, заявилъ, что онъ не дополучилъ 29 р. 50 к. Форкати отвѣтилъ, что онъ не знаетъ объ этомъ ничего. Судья удовлетворилъ и этотъ искъ. Гг. Абловъ и Писарева заявили искъ въ 393 р. Форкати согласился уплатить эту сумму въ тотъ-же день. Въ результатѣ всѣ артисты были удовлетворены полностью.

Къ сезону въ провинціи.

Тюмень. 31 января вечеромъ, въ контуру редакціи «Сиб. Торг. Газ.» явился актеръ Усольцевъ-Сибирякъ въ сопровожденіи актрисы г-жи Карповой и актера же Ахвалова. Обратившись къ бывшему въ контурѣ редактору А. А. Крылову, г. Усольцевъ-Сибирякъ возбужденно сказалъ: «Позвольте вамъ представить мою жену Карпову, не признаванную вами артистку и моего помощника (режиссера) Ахвалова; мы желаемъ говорить съ вами одинъ на одинъ», при этомъ г. Усольцевъ растерялъ пальто и вынулъ хлыстъ. Въ концѣ концовъ, г. Усольцева удалили изъ редакціи.

Нитоміръ. Въ театрѣ вдругъ появилось слѣдующее объявленіе: «Калоши на храненіе не принимаются!» Остается сидѣть въ калошахъ въ театрѣ.

Письма въ редакцію.

М. Г. г. редакторъ! Въ 6 № уважаемаго журнала «Театръ и Искусство» перепечатано изъ «Черниг. Вѣдом.» «стороннее сообщеніе» за подписью отчасти нѣкоторыхъ служащихъ въ антрепризѣ г. Богданова, а, отчасти *любителей* (Казанская, Демиденко), удостовѣряюща, что Богдановъ прекраснo платитъ имъ жалованье (это любителямъ-то!)... Въ видахъ возстановленія истины, будьте любезны сообщить нижеслѣдующіе факты: 1) артистами, г-жей Страховой и г. Межевымъ, предъявлены въ Черниговскій окружный судъ иски на антрепренера Богданова за неплатежъ имъ обоимъ жалованья въ размѣрѣ всего 874 р. и неустойки въ размѣрѣ всего 700 р., итого 1574 р. 2) Подъ вышесказаннымъ «сторон. сообщ.» не подписались артисты Халагова, Горскій, Страхова и Межевой. 3) Платежи Богдановымъ задерживались, въ чемъ сознаются и авторы «сторонняго сообщенія», заявляя: «благодаря плохимъ сборамъ, мы стали получать жалованье по частямъ»... 4) По подсчету гор. театральной комиссіи дѣла Богданова были хороши. Кромѣ того, я долженъ еще сообщить нѣкоторыя цифровыя данныя, свидѣтельствующія о предусмотрительности г. Богданова, именно: подготавливая уходъ г-г. Страховой и Межевого изъ труппы и сознавая неоспоримость ихъ претензій къ нему какъ къ плательщику, г. Богдановъ 18 января продаетъ кассу Алашеевскому, якобы за 3000 р., а 20 января принимаетъ понудительныя мѣры, заставившія названныхъ артистовъ подать на него въ судъ.

Присяжный повѣренный *Н. Клеусъ.*

М. Г. г. редакторъ! Въ журналѣ «Артистъ», а также и въ издававшейся одновременно съ нимъ подъ той же редакціей «Театральной библиотекѣ» существовалъ специальный справочный отдѣлъ, въ которомъ помѣщались свѣдѣнія о лицахъ, ищущихъ ангажементовъ, предложенія антрепренеровъ, адреса артистовъ и другихъ труженниковъ сцены.

«Театръ и Искусство», являясь въ настоящее время единственнымъ серьезнымъ и солиднымъ журналомъ, посвященнымъ интересамъ русскаго искусства, сдѣлалъ бы, по моему мнѣнію, истинно доброе дѣло, открывъ на своихъ страницахъ такой же отдѣлъ.

Думаю, что будетъ совершенно излишне распространяться о пользѣ и цѣлесообразности этого нововведенія.

Несомнѣнно также, что лица, заинтересованныя въ немъ, согласятся уплачивать небольшое вознагражденіе редакціи журнала за помѣщаемыя о нихъ свѣдѣнія, въ уплату редакціонныхъ расходовъ.

Было бы весьма желательно знать мнѣніе объ этомъ предложеніи какъ самой редакціи уважаемаго журнала, такъ и лицъ, прикосновенныхъ къ сценѣ, въ виду чего я и просилъ бы васъ, милостивый государь, не отказать дать мѣсто въ одномъ изъ ближайшихъ №№ журнала этому письму, дабы сочувствующія моему предложенію лица могли выразить свои мнѣнія по этому предмету.

Примите и проч. *А. Захаровъ.*

Отъ редакціи. Вполнѣ сочувствуемъ предложенію г. Захарова и охотно предоставляемъ столбцы нашего журнала. Къ сожалѣнію, такія нововведенія туго прививаются. Многие считаютъ почему то неудобнымъ публиковать о себѣ, хотя, на примѣръ, иностранные журналы полны такихъ предложеній. Въ журналѣ была напечатана публикація г. Шалыгина, но и то, вѣроятно, скорѣе въ видѣ протеста.

Музыкальныя замѣтки.

Концертъ сестеръ Габріэли и Эмили Кристманъ не привлекъ многочисленной публики въ 5 залъ Дворянскаго собранія. Въ газетахъ, впрочемъ, появилось въ день концерта объявленіе, гласившее, что билеты всѣ проданы. Гм! странная публика! Странное объявленіе! Говорятъ въ Америкѣ подобныя приемы въ большомъ ходу. Но у насъ—са не prend pas. Зарядъ пропалъ даромъ, а быть можетъ даже и повредилъ сбору.

Программа концерта не представляла изъ себя ничего интереснаго, а нумера, исполнявшіея самими концертантками, были заполнены музыкальной белибердой, за исключеніемъ «колыбельной пѣсни» Чайковскаго и ариозо изъ «Снѣгурочки» — Римскаго-Корсакова. Колоратурные сопрано г-жъ Кристманъ очень хорошо обработаны и владѣютъ онѣ ими вполнѣ осно-

вательно. Но, благодаря черезъ чуръ старательной обработкѣ, оба голоса оказались растянутыми болѣе нужнаго, вслѣдствіе чего центръ и часть нижняго регистра звучатъ совсѣмъ плохо. Что толку въ томъ, что сестры Кристманъ берутъ верхнее пі—мало. Пѣть приходится не на этихъ нотахъ, а на центрѣ, на который при работѣ и должно быть обращено самое серьезное вниманіе. Тембръ голосовъ, очень схожихъ между собой, у сестеръ Кристманъ суховатъ и однообразенъ. Музыкальность и вкусъ развиты мало и односторонне. Вся забота у пѣвицъ сосредоточена на преподнесеніи публикѣ банальнѣйшихъ эффектовъ, которые въ концѣ концовъ жестоко надоедаютъ. Звучность голосовъ сестеръ Кристманъ миниатюрна; при болѣе или менѣе сильномъ сопровожденіи оркестра ихъ совершенно не слышно и приходится скорѣе догадываться о томъ, что онѣ поютъ въ это время, нежели дѣйствительно слышать, вообще, быть можетъ, къ сожалѣнію, нужно признать, что легкіе колоратурные голоса, да еще при этомъ ничтожной звучности, совсѣмъ отжили свое время. Современныя требованія опернаго искусства, съ его громоздкимъ оркестромъ и стремленіемъ къ реальному изображенію жизненности героевъ оперныхъ драмъ, исключаютъ всякую возможность на возобновленіе спроса на колоратурныя сопрано. Для современной намъ оперы героини съ каскадами гаммъ, безконечными трелями, notes piquées и проч. фокусами, напоминающими полосканіе рта, совершенно невозможны. Композиторъ, рѣшающійся на такой подвигъ, изобличаетъ лишь полное отсутствіе вкуса и непониманія современнаго ему искусства, изъ котораго онъ дѣлаетъ себѣ пошлую забаву. Доказательствомъ сказанному можетъ служить пѣніе тѣхъ же сестеръ Кристманъ. Поютъ онѣ свой репертуаръ хорошо, не смотря на недостатки, о которыхъ я выше говорилъ, и приобрѣли уже себѣ маленькую извѣстность. А между тѣмъ публики у нихъ оказалось совсѣмъ мало, потому что слушать Доницетти да Беллини съ компаніей скучно для тѣхъ, кто слѣдитъ за современнымъ искусствомъ.

Пройдетъ еще пятокъ, другой годовъ и всѣ эти Маргариты, Вioлеты, Розины и проч. дамы, упражняющіяся на сценѣ въ гаммахъ, навсегда умолкнутъ, какъ уже умолкли фюритурны теноровъ и баритоновъ, а басовъ и подовно.

Въ концертѣ принималъ участіе молодой пианистъ Максимовъ, окончившій курсъ въ московской консерваторіи. Пианистъ удачно сыгралъ Рубинштейновскій 6-молл'ный концертъ, показавъ хорошую силу и полнѣ развитую музыкальность и нѣсколько мелкихъ фортепианныхъ вещей Рахманинова, композитора съ несомнѣннымъ талантомъ. Оркестръ подъ управленіемъ г. Келлера, неожиданно замѣнившаго г. Балкина, аккомпанировалъ очень внимательно и стройно.

Русскіе оперные спектакли (въ театрѣ Консерваторіи) подъ управленіемъ Любимова начались съ понедѣльника. Труппа составлена умѣло и изъ умѣлыхъ артистовъ, среди которыхъ большинство приглашено изъ Маринскаго и Московскаго большаго театра. Дирижеры гг. Плотниковъ и Всеволожскій люди опытные и талантливые. Режиссеръ г. Дума человекъ со вкусомъ и вполнѣ знающій свое дѣло. Вообще дирекціи можно обѣщать уснѣхъ въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, частныя оперныя антрепризы, появившіяся въ Петербургѣ, рассчитывали всегда на то, что Маринскій театръ, не вмѣщая въ сезонѣ всѣхъ желающихъ, всенепремѣнно направитъ ихъ къ нимъ, лишь только онѣ откроютъ двери своего театра. Дѣйствительно жаждущихъ оперы бываетъ много, но изъ этого не слѣдуетъ, что имъ можно преподнести что понало и какъ понало. Какъ дѣлалъ, на примѣръ, въ прошломъ году г. Перетели въ Панаевскомъ театрѣ. Въ результатѣ опера шла при пустомъ театрѣ, ибо публика рѣшила лучше потерпѣть, нежели слушать ревъ какихъ-то козлитоновъ и нисколько непризнанныхъ сопранъ. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду г. Любимову въ теченіе его дѣятельности въ консерваторскомъ театрѣ. Пока, впрочемъ, упрекать дирекцію не въ чемъ. Я слушалъ въ среду «Травиату» и могу сказать, что эта старушка опера, своей музыкой напоминающая сушеное яблоко кисло-сладкаго вкуса, прошла вполнѣ удовлетворительно. Главныя роли были распредѣлены между г-жей Фостремъ (Вioletta), г. Собиновымъ (Альфредъ) и Тартаковымъ (отецъ). Г-жа Фостремъ—колоратурное сопрано—владѣетъ очень своимъ голосомъ, который, однако, потерялъ уже значительную долю металличности и свѣжести. Затѣмъ артистка слишкомъ ужъ усердно усложняетъ свою партію вставными коденціями, сомнительной притомъ цѣнности. Г-жа Фостремъ очень пластична; выработала себѣ красивыя движенія и жесты. Но въ общемъ эту партію можно было бы вести и попроще. Совершенно излишне вскрикивать, падая въ обморокъ въ 3-мъ дѣйстви. Это очень неэстетичный приемъ обращать на себя вниманіе.

У г-на Собинова, тенора московскаго Большаго театра, звучный голосъ, пріятнаго тембра, съ несомнѣмъ удачной постановкой въ центрѣ. Верхній регистръ красивъ и свободенъ, нижній тусклъ и слабъ, на него, видимо, мало обращалось вниманія. Вообще, пѣніе г-на Собинова не блещетъ хорошей школой, что несомнѣнно жаль, такъ какъ матеріалъ у него богатый. Играетъ г. Собиновъ не безъ увлеченія и старательно.

Движенія угловаты и жесты не выработаны. Артистъ понравился нашей публикѣ и имѣлъ большой успѣхъ.

Г-нъ Тартаковъ былъ хорошимъ отцомъ; пѣлъ хорошо, а загримированъ былъ прекрасно. Вторыя роли были распределены между вполне удовлетворительными артистами.

Хоръ составленъ изъ хорошихъ голосовъ. Въ оркестрѣ не мѣшало-бы прибавить первыхъ скрипокъ. Вообще составъ оркестра слѣдовало-бы нѣсколько усилить и улучшить, а то приходится передавать партіи изъ одной группы въ другую, что композиторъ отнюдь не имѣлъ въ виду. Управлялъ оркестромъ г. Всеволожскій, талантливый дирижеръ, о которомъ я не разъ говорилъ въ прошломъ году.

Б. М. Соловьевъ.

НА ПОРОГѢ

Повѣсть.

I.

Мимо подъѣзда небольшого дома-особняка, одного изъ тѣхъ неказистыхъ на видъ, но очень уютныхъ и удобныхъ для жилья домиковъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ на Садовой, въ послѣднихъ числахъ августа медленно проѣхалъ извозчикій экипажъ, неуклюжее, давно уже просящееся на отдыхъ ландо, запряженное парой гнѣдыхъ клячъ, и, послѣ долгихъ усилий, вкатилось въ раскрытыя дворникомъ ворота...

Въ ландо сидѣла пожилая женщина, лица которой нельзя было разсмотрѣть, такъ какъ оно все пропадало въ пуховомъ платкѣ, дѣлавшемъ ея голову похожей на большой и при томъ довольно грязный узелъ. На женщинѣ былъ, кромѣ того, черный поношенный драшовый бурнусъ, когда-то, вѣроятно, красиво отдѣланный стеклянсомъ; въ одной рукѣ она держала банку съ вареньемъ, другой обхватила талію своей спутницы, молодой дѣвушки, лѣтъ 18—20 на видъ, блондинки съ живымъ, веселымъ личикомъ, на которомъ слегка вздернутый носикъ и плутовскіе сѣрые глаза, казалось, постоянно перемигивались другъ съ другомъ, по своему критикуя все, что имъ ни попадалось на встрѣчу.

— Дома Авдотья Никоновна? попыталась было спросить женщина, голова которой напоминала узелъ. Но именно только попыталась. Простудившись дорогой, она потеряла голосъ, и, вмѣсто словъ, изъподъ пуховаго платка слышалось сипѣнье, подобное бою испортившихся въ конецъ трактирныхъ часовъ.

— Конечно, дома... Какая ты, мама, странная! Вѣдь она же намъ отвѣтила на телеграмму, проговорила блондинка.

— А если она куда-нибудь ушла изъ дома?— опять попыталась говорить ея мать.

— Тогда мы и безъ нея устроимся, весело отвѣтила блондинка.

И обѣ онѣ принялись высвобождаться изъ экипажа, что оказалось дѣломъ весьма нелегкимъ, такъ какъ тючки и узелки мѣшали свободно двигаться.

Въ это время парадная дверь съ шумомъ отворилась, и на подъѣздъ выбѣжала хозяйка дома, Авдотья Никоновна, совсѣмъ пожилая женщина, еще, видимо, не успѣвшая ни одѣться, ни причесаться какъ слѣдуетъ. Радостно всплеснувъ руками, она грузно заковыляла по ступенькамъ, слегка придерживая больную ногу. Захвативъ на ходу въ объятья блондинку и вадѣливъ ее нѣсколькими поцѣлуями, хозяйка устремила къ другой гостьѣ. Та до сихъ поръ еще никакъ не могла выйти изъ ландо и пока только одной ногой стояла на подножкѣ экипажа,

высвобождая другую изъ насаженной на нее большой корзины. Дѣло шло-бы успѣшнѣе, еслибы не банка варенья, разстаться съ которой было невозможно, такъ какъ некуда было ее поставить. Такъ и пришлось цѣловаться съ Авдотьей Никоновной: стоя одной ногой въ ландо, другой— на подножкѣ и держа въ правой рукѣ банку.

— Какъ доѣхали? Милыя! Мы васъ, собственно, вчера къ ночи ждали. Да оставь ты, матушка, все это имущество... Дарья! Да-а-арья! Дьяволъ этакій, опять запропастилась! Да-а-а-арья!..

— Ничего.. ничего... какъ могла, проговорила приѣзжая.

— Ну, голосокъ! Экъ угораздило простудиться! Да-а-а-арья!..

Авдотья Никоновна, наконецъ, не выдержала и, уже совсѣмъ презрѣвъ свою больную ногу, заковыляла бѣгомъ обратно къ крыльцу. На минуту она исчезла за дверью, потомъ изъ дому послышались громкая брань и голосъ Дарьи, приносившей барынѣ свои оправданья, наконецъ, обѣ онѣ— и Авдотья Никоновна, и Дарья— такая-же старая, какъ и ея хозяйка, только еще небрежнѣе ея одѣтая,— вышли на крыльцо. Дарья побѣжала къ экипажу, а Авдотья Никоновна стала звать дорогихъ гостей въ комнаты.

Не скоро, однако, приѣзжія рѣшились послѣдовать любезному приглашенію хозяйки. То-есть блондинка, конечно, готова была хоть и вовсе бросить на дворѣ тѣ узлы, узелки и корзины, которые такъ заботили ея мать, но эта, казалось, до тѣхъ поръ рѣшила не успокоиваться, пока послѣдній тючекъ не будетъ перенесенъ въ домъ. А когда вещи были, наконецъ, перенесены, начался торгъ съ извозчикомъ, продолжавшійся, по крайней мѣрѣ, четверть часа.

— Мама! Здѣсь не Бендеры! сказала тогда блондинка, которой надоѣло слушать перебранку матери съ извозчикомъ изъ-за пятиалтынного.

— Хуже, матушка, чѣмъ Бендеры! Извѣстные грабители— московскіе! съ негодованіемъ отвѣтила старуха.

Черезъ нѣсколько минутъ приѣзжія сидѣли уже въ столовой. Во главѣ стола сидѣла Авдотья Никоновна, успѣвшая переодѣться въ бѣлую широкую блузу и накрыть свои сѣдья бубли пыльнымъ чепчакомъ съ палевыми лентами, направо отъ нея сидѣла блондинка, налѣво—мать блондинки, и еще одна старуха, двоюродная сестра Авдотьи Никоновны, замѣчательная развѣ тѣмъ, что за все время она не произнесла ни одного слова и только изрѣдка улыбалась, причѣмъ тогда можно было видѣть блѣдныя десны, на холмистой поверхности которыхъ желтѣли пять-шесть кривыхъ зубцовъ. Мать блондинки была теперь безъ уродовавшаго ея платка, и можно было поэтому замѣтить, что когда-то это была очень красивая женщина. Дочь мало походила на нее, развѣ только лобъ— невысокій, но опредѣленный и строго очерченный—напоминалъ лобъ матери. Блондинка могла нравиться своей молодостью, свѣжестью и бойкимъ взглядомъ быстрыхъ веселыхъ глазъ, скрывавшихъ неправильности профиля. Лицо ея матери привлекало мягкостью и пріятной правильностью линий. Можно было только жалѣть, что женщину, у которой такое пріятное лицо, такъ замучила жизнь, а что жизнь замучила ее, объ этомъ краснорѣчиво говорили глаза, успѣвшіе съ теченіемъ времени сдѣлаться безпокойными и выцвѣсти.

Авдотья Никоновна степенно разливала чай, жаловалась на дороговизну въ Москвѣ и попутно давала разныя наставленія блондинкѣ, которую, какъ она успѣла уже высказать, готова принять въ свой домъ за родную дочь. Блондинка думала о Москвѣ,

гдѣ ей теперь придется постоянно жить, и эти мысли такъ пріятно волновали ее, что она не хотѣла ни пить, ни ѣсть, ни слушать наставленій, а, кажется, такъ-бы вотъ сейчасъ взяла да и побѣжала смотрѣть городъ. Мать блондинки, наоборотъ, слушала Авдотью

Л. Собиновъ.

(Спектакли русской оперы въ залѣ консерваторіи).

Никоновну со вниманіемъ и все время не безъ тревоги посматривала на дочь. Особенно встревожилась она, когда Авдотья Никоновна замѣтила, что въ Москвѣ всѣ мужчины—охальники. Она даже испугалась. Какъ въ такомъ городѣ оставить ея Лизу? Легкое-ли дѣло!.. Она тяжело вздохнула и уныло покачала головой.

— Я не боюсь мужчинъ! — рѣшительно заявила въ отвѣтъ на этотъ вздохъ матери Лиза.—Что они могутъ мнѣ сдѣлать?

— Егоза!—строго возразила тогда Авдотья Никоновна.—Ишь ты, не боится! Въ кого это она у тебя, матушка?—обратилась она къ матери.—Мы съ тобой въ ея годы другія были...

— Въ отца! — отвѣтила мать и опять тяжело вздохнула.

Авдотья Никоновна въ знакъ сочувствія также вздохнула. Она хорошо поняла свою пріятельницу. „Въ отца“—этимъ все сказано. „Офицерская дочь, однимъ словомъ“,—проговорила Авдотья Никоновна.

— Ну, да ничего, все еще обойдется,—послѣдила она тутъ-же обнадежить гостью.—А какъ твой благовѣрный—пѣть по прежнему?

— Меньше...

— Не дерется, по крайней мѣрѣ?

— Какъ случится...

— Не задалась, стало-быть, жизнь! Сколько мы съ тобой годовъ не видались! Хорошіе были когда-то годы...

Авдотья Никоновна стала вспоминать. Она и Таня (гостью звали Татьяной Викторовой) учились вмѣстѣ въ институтѣ, въ одинъ годъ выскочили замужъ за товарищей-офицеровъ, долго жили вмѣстѣ въ Волковскѣ, потомъ Таня переѣхала съ мужемъ на югъ, а она вскорѣ овдовѣла и переселилась въ Москву. Переписывались вначалѣ, затѣмъ и вовсе потеряли другъ друга изъ вида. И вдругъ телеграмма и письмо...

— Изъ Бендеръ! А? Ну, могла-ли я думать! Вѣдь я Лизу вотъ этакой, совсѣмъ крошкой, помню... И вотъ извольте: въ Москву пожаловала, невѣста, какъ есть, на сцену поступать хочетъ...—закончила воспоминанія Авдотья Никоновна.—Но зачѣмъ на сцену-то?—вдругъ накинулась она на Татьяну Викторовну.—Что за радость такая на этой самой сценѣ?

— Хочетъ! отвѣтила та.—Сама я не мало плакала, но развѣ переговоришь такихъ, какъ она. Не привезла-бы сама, съ актерами удрала-бы!..

Татьянѣ Викторовнѣ, которая отъ простуды почти совсѣмъ потеряла голосъ, было трудно говорить, и она закашлялась. На выручку поспѣшила Лиза.

— Сцена—моя жизнь, моя страсть, мой кумиръ, все для меня, и если я не попаду на сцену, я лишу себя жизни, быстро проговорила она.—Вы, Авдотья Никоновна, лучше не отговаривайте маму, потому что я все равно не слушаюсь. Я никого не слушаюсь. И я твердо рѣшила. Скорѣе умру, чѣмъ откажусь отъ своего рѣшенія...

— Господь съ тобой! Я и не думаю вмѣшиваться въ твои дѣла, сухо отвѣтила на это Авдотья Никоновна, которую, однако, очень обидѣло, что дѣвочка смѣетъ такъ разговаривать съ большими.—Твоя мама была всегда своевольна да и ты такая же, какъ вижу...

— Нѣтъ, нѣтъ, Авдотья Никоновна! Я вѣдь говорю вамъ: сцена—мой кумиръ, моя жизнь, все для меня, и я не уступлю ни за что...

Лиза говорила быстро и энергично, что дѣлало ея и безъ того сухой голосъ непріятно рѣзкимъ. Авдотья Никоновна окончательно обидѣлась и замолчала.

Послѣ чая гости отправились переодѣваться, а Авдотья Никоновна стала держать съ Дарьей большой совѣтъ. Судя по письму, полученному еще недѣлю назадъ отъ Татьяны Викторовны, послѣдняя будетъ сейчасъ просить оставить Лизу у Авдотьи Никоновны на квартирѣ. Комната, конечно, найдется, да и отчего не оставить, но не будетъ-ли хлопотъ

Тина-ди-Лоренцо, въ роли Маргариты Готье.

съ ней? Дѣвченка съ душкомъ и къ тому же шепелавить, думала съ тревогой Авдотья Никоновна, которая пуце всего не любила рыжихъ и косноязычныхъ, такъ какъ тѣ и другіе, по ея мнѣнію, всегда предатели. А особенно неприятно было ей то, что Лиза готовится на сцену. Наведетъ полный домъ мужинъ—поди, потомъ, выпроваживай...

Все это Авдотья Никоновна и высказала Дарьѣ, но Дарья была уже подкуплена Лизой, сказавшей ей два раза „голубушка-Дарьюшка“; кромѣ того, Дарья принципиально никогда не соглашалась съ Авдотьей Никоновной. И вотъ старухи стали спорить. Кончился споръ, какъ и всегда, тѣмъ, что Дарья была съ бранью изгнана изъ комнаты, но Авдотья Никоновна приняла рѣшеніе, продиктованное Дарьей.

Вскорѣ Авдотья Никоновна уже сидѣла съ прѣзжей подругой и условливалась насчетъ комнаты, стола, надзора за Лизой и проч. Сдѣлали уговоръ, что Лиза отнынѣ всецѣло поступаетъ подъ надзоръ Авдотьи Никоновны, которая одна должна будетъ блюсти ея совѣсть и поведеніе. Лиза при этомъ уговорѣ не присутствовала, и потому соглашеніе между обѣими старухами послѣдовало очень легко.

— Но неужто-жъ такъ-таки на сцену? не вытерпѣвъ, опять спросила Авдотья Никоновна.

Татьяна Викторовна умоляюще обратила къ ней свое кроткое, измученное лицо. Видно было, что этотъ вопросъ достаточно даетъ ей себя знать и безъ такихъ непростыхъ сожалѣній и совѣтовъ.

— Сама слышала! отвѣтила, наконецъ, Татьяна Викторовна.—Жизни, говорить, себя рѣшить. Да и отецъ за нее.

— Высъчь-бы ихъ обоихъ! рѣзко проговорила Авдотья Никоновна.

Но больше она къ этому вопросу не возвращалась.

Арсеній Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путевыя замѣтки *).

II.

Вгрюмо смотритъ на свѣтъ Божій новорожденный или, правильнѣе сказать, нарождающийся Кіевскій городской театр. Его неуклюжая, еще не отдѣланная на-бѣло, масса не радуется взгляду ни изяществомъ и легкостью очертаній, ни стройностью общей конструкціи. И стоитъ онъ не на видномъ мѣстѣ. Не вѣрится и тому, чтобы этотъ недостроенный храмъ распахнулъ свои двери для публики въ началѣ будущаго зимняго сезона.

Антреприза невѣдомаго Кіеву г. Борода озадачила кіевлянъ, интересующихся театральными дѣлами, которые вмѣстѣ съ «большой публикой» считали новый городской театръ чуть не неотъемлемою собственностью прочно осѣвшаго тамъ г. Соловцова. Такъ-бы, говорятъ, оно и было, еслибы не болѣзнь, а потомъ и смерть городского головы Сольскаго. Театральное владычество г. Соловцова приходится ограничиться двумя

арендуемыми имъ театрами. Если принять въ соображеніе, что у театральной монополии много дурныхъ сторонъ, то будущая конкуренція антрепризъ пойдетъ на пользу кіевскому театральному дѣлу. И это тѣмъ болѣе, что за г. Бородаемъ значитъ опыту многихъ лѣтъ. Конечно, Кіевъ не Саратовъ и не Казань, и даже не Харьковъ, въ смыслѣ строгости требованій, но это лишь заставитъ «подтянуться» новаго антрепренера, а за нимъ и стараго. Кстати, говорятъ, въ послѣднее время кіевская драма пераспашалась и дала кое-гдѣ трещины, въ особенности, по режиссерской части. Дѣло, что называется, зажирѣло или, какъ принято теперь говорить о московскомъ Маломъ театрѣ, начинается «застывать». И за кулисами бываютъ дѣятели, которые, дойдя до извѣстной ступени, считаютъ уже все земное совершеннымъ и почиваютъ на лаврахъ въ своемъ величіи, полагая, что достигли предѣла и дальше идти некуда. Начинается ожирѣніе, застываніе, а за ними—трещины, колебаніе и, если не опомнятся во время, то и паденіе...

Въ кіевскихъ газетахъ мнѣ попалось мелкое, но очень характерное сообщеніе въ отдѣлѣ городской хроники подъ заглавіемъ: «Конфликтъ между антрепренерами и арендаторомъ афишныхъ столбовъ». Заключается этотъ «конфликтъ» въ томъ, что антрепренеры оперный и опереточный (очевидная ошибка, такъ какъ ни оперы, ни оперетки въ Кіевѣ нѣтъ, и оба театра арендуются г. Соловцовымъ) отказались расклеивать афиши на городскихъ столбахъ. Причиной же «конфликта» было то, что арендаторъ столбовъ отказался принимать афиши, присылаемые ему послѣ условленнаго часа. Конечно, онъ правъ, и если въ «конфликтѣ» виновато антрепренерское «нашему ндраву не препятствуй», то причежь же тутъ публика, для которой столбы и устроены. Это уже изъ симптомовъ ожирѣнія...

О своихъ впечатлѣніяхъ отъ драматическаго театра г. Соловцова я умолчу,—о немъ много писалъ постоянный кіевскій корреспондентъ.

Въ другомъ театрѣ играютъ діи мажорес малорусской сцены: г-жа Заньковецкая, гг. Кропивницкій, Саксаганскій и Саловскій. Вспомнилось мнѣ уже далекое сравнительно время—почти пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ Москву и Петербургъ прѣехала въ первый разъ малорусская труппа М. Л. Кропивницкаго. Безъ всякихъ рекламъ, силою непосредственнаго вліянія на публику, она создала себѣ колоссальный успѣхъ, которому въ исторіи столичныхъ сценъ подыщешь не много примѣровъ.

Передъ нашими глазами, затянутыми паутиной будничной столичной жизни, безъ просвѣта и пригрѣва, открылся чудный край, мы жадно ловили слова мягкаго, воркующаго говора, мы съ наслажденіемъ вслушивались въ мелодію задушевныхъ пѣсень. Иллюзія была полная: намъ казалось, что передъ нами не грубая полотно декораций, а благодатное небо Украйны, съ ея бѣлоснѣжными хатами подъ тѣнью дѣвственно-стройныхъ тополей, а тутъ же—«и ставокъ, и млинокъ, и вишневы садокъ». Въ тихій вечеръ, при отблескѣ догорающей зари, мы переживали и радости, и горе чернобровыхъ «дивчинъ» и статныхъ «парубковъ», «красавиць-молодиць» и сивоусыхъ «дѣдовъ»,—жили народной жизнью, освѣщенной трепетнымъ свѣтомъ народной поэзіи.

Иллюзія создавалась не внѣшними средствами сцены, а силою отдѣльных талантовъ и замѣчательно стройнымъ и дружнымъ исполненіемъ, въ которомъ чувствовалась горячая любовь къ дѣлу и серьезная работа. На фонѣ ансамбля выдѣлялись артистическія дарованія первой величины—М. К. Заньковецкой и М. Л. Кропивницкаго; за ними—г-жи Затыркевичъ, гг. Саксаганскаго и Саловскаго. Квнтетъ этотъ былъ неподражаемъ, и ничего подобнаго малорусская сцена никогда послѣ не давала. За нимъ стояла даровитая молодежь труппы.

Но малорусскому театру сразу не посчастливилось: началось дробленіе труппъ, которое вовсе не способствовало ему къ украшенію. Къ тому же вскорѣ нѣкоторые изъ главарей стали преждевременно «застывать»...

Теперь изъ прежняго квнтета собрался опять во единомъ кварталѣ (нѣтъ г-жи Затыркевичъ). Все-бы хорошо, но у каждаго по десяти личинихъ лѣтъ за плечами, воды утекло много... Таланты не старѣютъ, но люди, носящіе ихъ въ себѣ, «застываютъ». Мнѣ пришлось видѣть въ этотъ разъ на сценѣ г-жу Заньковецкую и г. Кропивницкаго: они все такіе же артисты—художники, какими были и прежде.

Я увлекся немножко малороссамъ: каюсь, я люблю ихъ сцену и признаю за ней смыслъ и значеніе...

Въ Кіевѣ кромѣ драматическаго театра «Соловцовъ» (не правда-ли, название плохо мирится съ русской грамотой), театра Бергонье, гдѣ играютъ малороссы, нѣсколькихъ шатокабачковъ съ обычными «фурорами», спектакли даются въ коммерческомъ собраніи, концерты—въ купеческомъ и существуютъ три нѣродные театра. Эти послѣдніе обязаны, конечно, своимъ бытіемъ заботамъ о трезвости, но, кажется, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, она тутъ не при чемъ. Мнѣ не удалось побывать въ этихъ театрахъ, но вотъ нѣкоторыя «черты изъ жизни» ихъ.

Афиши, не причастныя къ вышеописанному «конфликту»,

*) См. № 8.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

гласили въ день моего прїѣзда, что въ одномъ изъ народныхъ театровъ пойдеть «Сватаня на Гончаривци», въ другомъ—«Ивановъ» Чехова, а въ третьемъ два дня подъ рядъ шли—«Идеалисты Талмуда» и «Уриель Акоста». Первая пьеса можетъ быть пригодной для народного театра, но съ остальными вопросъ рѣшается не такъ-то просто. Третій театръ помѣщается въ контрактномъ (ярмарочномъ) домѣ и цѣны въ немъ на суботній спектакль, расчитанный на еврейскую массу, поднимаются до трехъ рублей за мѣсто.

Если тутъ при чемъ нибудь трезвость, то «народнымъ» театрѣ все-таки названъ быть не можетъ. Очевидно, что это общедоступные театры, какими вообще являются театры попечительствъ о народной трезвости.

Отличительной чертой кievскихъ «трезвыхъ театровъ» служитъ обыкновеніе устраивать послѣ спектаклей танцы, — что опять-таки характеризуетъ публику общедоступнаго театра.

Дѣло, конечно, не въ названіи, но зачѣмъ попечительствамъ нужно прибѣгать къ явной путаницѣ понятій?.

III.

Въ театральныхъ владѣніяхъ г. Строева, то есть, въ Минскѣ, я побывалъ въ періодъ культивированія оперетки. Какъ извѣстно, современные антрепренеры особаго вида, избравшіе благую часть — не съять и не жать, а собирать въ свои житницы, стараются заполнить сезонъ всемъ, чтобы подъ руку ни попало, не разбирая хорошо оно или плохо. Да и какъ тутъ разбирать. У такого антрепренера своей труппы нѣтъ, а есть театръ, который надо кому-бы-то ни было и во что-бы то ни стало на извѣстные сроки передать. Драма—давай ее сюда, — оперетка—волоки тоже, малороссы—и отъ нихъ нельзя отказываться,—и такъ далѣе до клоуновъ и фокусниковъ включительно.

Получается всякаго жита по лопатѣ... Такой калейдоскопъ находить своихъ поклонниковъ, но всякій, конечно, согласится, что въ серіозномъ театральномъ дѣлѣ такая смѣсь недопустима, ибо въ такихъ метеорическихъ труппкахъ не можетъ быть ни репертуара, ни постановки, ни ансамбля, составляющихъ сущность правильно веденнаго предпріятія. Можетъ быть, это какъ разъ по плечу какому-нибудь «интернаціональному» антрепренѣру, показывающему заморскіе таланты и диковины, но уже во всякомъ случаѣ не къ лицу провинціальному городскому театру.

Опереточная труппа въ Минскѣ не кочевая, а случайно попала сюда изъ Гродно, гдѣ она работала въ этотъ сезонъ, подъ управленіемъ Н. А. Борисова. Составъ труппы въ общемъ хорошей, обстановка больше, чѣмъ чистенькая, для провинціи—чуть не роскошная, постановка тщательная—чего-жъ больше желать Минску, вкусы котораго уже начинаютъ раздражаться и портиться театральнымъ калейдоскопомъ. Въ веденіи дѣла даже простымъ глазомъ зрителя можно замѣтить хозяйственность и заботливость не только объ антрепренерскомъ карманѣ, но и объ интересахъ публики. И сія послѣдняя охотно стремится въ театръ. Въ составѣ труппы были г-жи Попова, Ахматова, Кубанская, гг. Эспе, Зайцевъ, Болдыревъ и др. Въ «Игрушечкѣ» и «Гейшѣ», которыхъ я видѣлъ, выдѣлялись г-жа Попова, и г. Эспе—артисты съ репутаціей уже вполне упроченной,—г-жа Кубанская и г. Болдыревъ—изъ начинающихъ. Г. Болдыревъ (Иларіусъ и Вунъ-Чхи)—комикъ, подающій надежды на выдающуюся будущность; онъ, какъ будто, суховатъ, но это такъ кажется въ опереткѣ, гдѣ артистъ, очевидно, остерегается шаржа, стараясь дать живыя фигуры изъ неправдоподобнаго матеріала.

Любопытная черта провинціальной оперетки—заигрываніе съ городами и горожанами. Въ куплетахъ затрогиваютъ не только мѣстныя злобы дня,—вѣками пребывающія въ качествахъ таковыхъ,—въ родѣ неблагополучнаго состоянія тротуаровъ,—но и расточаютъ комплименты по адресу мѣстной публики вообще. И ужъ если театръ изо дня въ день нуствуетъ, безъ всякой надежды на лучшее будущее, — тогда сатира и мораль бичуютъ отсутствующихъ гражданъ.

Отрадныя вѣсти слышалъ я о Минскомъ музыкально-драматическомъ кружкѣ. Судя по репертуару его спектаклей на масляницѣ, онъ идетъ хорошей дорогой созданія общедоступнаго театра. Кружокъ работаетъ подъ знаменемъ попечительства о народной трезвости. Однимъ изъ главныхъ въ немъ дѣятелей называютъ представителя мѣстнаго «Листка» и бывшаго артиста, г. Сахарова.

Тысячу лучшихъ пожеланій симпатичному дѣлу... А. А.

КАЗАНЬ. «Холодно, странничекъ, холодно! Голодно, ролдненькій, голодно!»—невольно думалось всемъ и каждому, кто попалъ на послѣдній, прощальный спектакль артистовъ 11-го февраля. «Холодно», играли артисты, «холодно» относилась къ ихъ игрѣ публика. Правда—публика привѣтствовала, по обычаю, рукоплесканіями, при ихъ выходѣ на сцену, правда тремя изъ нихъ поднесла даже подарки (Г-жѣ Араповой—корзину цвѣтовъ; г-жѣ Мироновой—букетъ и г-жѣ Шебуевой цѣнный подарокъ), но—это въ благодарность за прошлое, а уже никакъ не за ихъ игру на прощальномъ спектаклѣ. Вызовы и аплодисменты были не единодушныя, но шумныя. Отчасти это объясняется тѣмъ, что артистамъ пришлось играть не свои роли, отчасти тѣмъ, что «спектакль шелъ безъ репетицій» (явленіе не рѣдкое въ этотъ сезонъ.) и это при постановкѣ такихъ пьесъ, какъ «Горе отъ ума» (2 и 3 акты) и «Плоды просвѣщенія».—Эти пьесы, очевидно, были выбраны для послѣдняго спектакля потому, что въ нихъ могла бы быть занята вся труппа, но—волею г. Бородаи, — какъ мы уже неоднократно говорили—единовластнаго распорядителя театра, — нѣкоторые артисты играли въ спектаклѣ 11 февраля по двѣ роли, а нѣкоторымъ не досталось новсе ролей. Такъ не были заняты вовсе гг. Адельгеймы и г-жи—Строева-Сокольская и Караванова. Почему на долю очень блѣднаго артиста Шумова достались двѣ такія видныя роли, какъ Чичкаго, въ «Горѣ отъ ума» и Григорія въ «Плодахъ просвѣщенія». Братьямъ Адельгеймамъ пришлось проститься съ Казанью на «литературно-музыкальномъ вечерѣ»—Казанскаго Общества любителей изящныхъ искусствъ, гдѣ они и выступили съ чтеніемъ монологовъ изъ трагедій.

Вотъ какъ прощалась Казань съ товариществомъ подъ управленіемъ М. М. Бородаи... Какъ извѣстно, и Казанскій и Саратовскій театры теперь сланы г. Собольникову-Самарину. Правда, когда г. Собольниковъ-Самаринъ телеграммой предложилъ продѣть ему театральное имущество товарищества въ Казани, то г. Бородай отказался его продать, а артистамъ—товарищамъ, которые настаивали на этой продажѣ, онъ отиѣчалъ, что «товарищество», подъ его управленіемъ, не закончилось,—т. е. онъ, повидимому, надѣется, что найдетъ какой либо театр или театры, гдѣ возродится его «товарищество». Пусть его надежды и осуществятся, но все-же «Казанско-Саратовскаго Товарищества, подъ управленіемъ г. Бородаи болѣе не существуетъ... Не знаемъ, какъ велось дѣло «товарищества» въ Саратовѣ, въ минувшій зимній сезонъ 1900—1901 г., но въ Казани оно велось болѣе чѣмъ плохо: это была калята эпоха полнаго упадка. Многие члены товарищества сидѣли по своимъ квартирамъ, безъ дѣла (напр., г-жа Строева-Сокольская, отчасти г-жи Шебуева и Агорева-Инсарова и гг. Адельгеймы, Судьбининъ и др.); обставлялись спектакли кое-какъ.

Съ 1 Января по 11 февраля шли «Кинъ», «Ворона въ навлинныхъ перьяхъ» (шла 2 раза со времени открытія сезона), «Плоды просвѣщенія» (2 раза) «Вѣчная любовь», «Лѣтній грезы», «Рюи-Влазъ», «Буреломъ» (2 раза), «Иванъ Царевичъ» (5 разъ) «Рабы золота», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» (2 раза), «Король Лиръ», «Преступленіе и наказаніе» (4 раза), «Гамлетъ», «Оболтусы-вѣтрогоны», «Трактирщица» (3 раза), «Одинокіе», «Донъ-Жуанъ» (2 раза), «Въ любовномъ лабиринтѣ», «Борцы», «Эдипъ-Царь», «Флиртъ», «Мадамъ Санъ-Жень», «Свадьба Кречинскаго», «Лакомый кусочекъ» (2 раза), «Братья Карамазовы» (2 раза), «Памелла» (2 раза), «Отелло», «Общество поощренія скуки», «Убийство Коверлея», «Блестящая карьера», «Губернеръ» (3 раза), «Атташе при посольствѣ», «Шейлокъ», «Потемки души» (2 раза), «Волки и овцы», «Кручина» (2 раза), «Два міра» (2 раза), «Казнь» (2 раза), «Школьные товарищи», «Кому весело живетъ на Руси», «Царь Борисъ», «Донъ-Жуанъ», «Супружеское счастье», «Идеальная жена» (3 раза), «Маменькинъ сыночекъ» (2 раза), «Доли» (2 раза), «Слѣдователь», «Женское любопытство», «Цѣна жизни», «Полусвѣтъ», «Вокругъ свѣта» (2 раза), «Красавецъ», «Свадьба Фигаро», «Въ неравной борьбѣ», «Троглодитъ», «Въсѣенныя деньги», одинъ актъ изъ «Уриель Акоста» (шелъ два раза въ сезонъ цѣликомъ), «Царь Оелоръ», 2 и 3 акты «Горя отъ ума».

Позволяю и себѣ сдѣлать кое-какіе выводы. Начну съ того, что, какъ видите, репертуаръ былъ, главнымъ образомъ, основанъ на пьесахъ «легкихъ». Если не считать даже сказки «Иванъ Царевичъ», что ставилась чаще всего въ утренники, по праздникамъ, и прошла 5 разъ, то слѣдующее мѣсто выпадаетъ па долю слѣдующихъ пьесъ: «Губернеръ», «Трактирщица» и «Идеальная жена».—(Впрочемъ, 4 раза прошло «Преступленіе и наказаніе». — Почему? — Для меня загадка, такъ какъ исполненіе ея на нашей сценѣ не важно).—Далѣ—большинство легкихъ пьесъ шло по 2 раза. Классической репертуаръ былъ въ загонѣ, что особенно странно, если припомнимъ что въ составѣ нашей труппы были братья Адельгеймы. Не смотря на то, что кое-кѣмъ принимались мѣры набро-

силь тѣнь на нихъ, все-же братья Адельгеймы имѣли здѣсь большой и заслуженный успѣхъ. Привожу кстати отрывки изъ адреса, что былъ поднесенъ бр. Адельгеймамъ, 10 февраля.

«Ваша художественная интерпретація типовъ классическаго и современнаго репертуара произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ истинныхъ любителей серьезнаго искусства. Позвольте-же намъ высказать наше горячее желаніе — чтобы Казанскій театръ не навсегда лишился въ Вашемъ лицѣ тѣхъ вдохновенныхъ жрецовъ истиннаго искусства, которые — «Обходя моря и земли

Глаголомъ жгутъ сердца людей!»

Только что узнавъ, что между нѣкоторыми артистами, игравшими въ Казани зимою 1900 - 1901 г.—ведутся переговоры давать спектакли и постомъ. Думаютъ давать ихъ 3—4 раза въ недѣлю и ставить все «новинки», к. т. «Три сестры», «Пережитое», «Микаэль Крамеръ» и др. — *Н. О. Юшковъ.*

САМАРА. Сезонъ закончился довольно интереснымъ спектаклемъ. Помимо интереса самой пьесы и исполненія (давалась «Послѣдняя воля»), гвоздемъ, такъ сказать, вечера на послѣднемъ спектаклѣ бывають обыкновенно подарки, адреса, оваціи или нѣчто обратное, а настоящей вечеръ отличался тѣмъ, что на немъ было и то, и другое, и третье. Въ самомъ началѣ спектакля г-жѣ Азагаровой была поднесена корзина цвѣтовъ, а въ концѣ его адресъ въ серебряной рамѣ. Г-жа Азагарова снискала у насъ горячія симпатіи публики. Изящество манеръ, простота, элегантность и разнообразіе гардероба ярко выдѣляютъ ее на общемъ провинціальномъ фонѣ и доставляютъ зрителямъ, при общей выдержанности игры, постигши художественное наслажденіе. Носятся слухи, что г-жа Азагарова покидаетъ нашу сцену, о чемъ мы искренно сожалѣемъ. Много подношеній было сдѣлано г. Галицкому. Не были забыты и другіе выдающіеся артисты труппы: г-жи Соколовская, Марченко; г-г. Борисовскій, Нерадовскій и др. Особенно интересна была заключительная часть спектакля, на которой, какъ оказалось, хотѣли устроить нѣчто вродѣ примиренія антрепренера г. Медвѣдева съ публикой. Надо сказать, что послѣ прошлогодней исторіи г. Медвѣдевъ въ теченіи сдѣлаго сезона благоразумно не показывался на сценѣ и послѣдній спектакль, хотя и шелъ по бенефиснымъ цѣнамъ, но противъ обыкновенія его не рѣшились анонсировать, какъ бенефисъ антрепренера: слишкомъ живы были воспоминанія о прошлогоднемъ скандалѣ. И вотъ, предъ началомъ дивертисмента, г. Галицкій прочелъ въ присутствіи всей труппы адресъ Медвѣдеву отъ артистовъ. Г. Медвѣдевъ сдѣлалъ видъ, что не рѣшается выйти на сцену и былъ выведенъ г. Галицкимъ. Публика аплодировала, оркестръ игралъ тушъ, раздавался какой то неясный гулъ и шумъ, котораго за аплодисментами и оркестромъ нельзя было разобрать. Противъ этого адреса врядъ-ли и можно возражать: справедливость требуетъ отмѣтить и положительную сторону въ дѣятельности г. Медвѣдева. За время его антрепризы намъ не приходилось слышать жалобъ на неаккуратность расплаты, что при общей небезопасности артистовъ въ матеріальномъ отношеніи для нихъ весьма существенно. Послѣ этого адреса г. Галицкій сдѣлалъ попытку прочесть адресъ «отъ публики», хотя присутствовавшая въ театрѣ публика была поражена неожиданностью этого обстоятельства и о существованіи подобнаго адреса и не предполагала. При самомъ началѣ чтенія раздались крики «не надо», «не надо», свистъ и шиканье. Тогда г. Галицкій, прервалъ чтеніе, обращаясь къ публикѣ, сдѣлалъ видъ, что хочетъ что-то сказать и, когда шумъ стихъ, проговорилъ: «Господа, неужели моими трудами я не заслужилъ у васъ настолько уваженія, чтобы вы выслушали то, что я читаю». Это неожиданное соображеніе артиста произвело однако нѣкоторое дѣйствіе; шумъ нѣсколько уменьшился и г. Галицкій окончилъ чтеніе злополучнаго адреса. Г. Медвѣдевъ принялъ отъ г. Галицкаго «адресъ отъ публики», поклонился публикѣ до земли и трижды облобызалъ папку адреса. Что хотѣлъ онъ этимъ выразить—сознаніе своей вины и раскаяніе или благодарность за незаслушанныя симпатіи своихъ клеветовъ, публикѣ осталось невыясненнымъ.

ВОРОНЕЖЪ. Зимній сезонъ закончился, какъ водится, бенефисомъ антрепренера, который поставилъ «Свободную любовь» въ 4 дѣйствія. Бракко, «Сонъ Психеи» и дивертисментъ. Буде театръ въ два раза болѣе, и то наврядъ-ли вмѣстилъ-бы всѣхъ желающихъ быть на бенефисѣ г. Линтварева. Послѣ втораго акта пьесы г. Линтваревъ былъ вызванъ всѣмъ театромъ. Овація продолжалась добрыхъ минутъ пятнадцать; г. Линтвареву было подано нѣсколько подарковъ. Были подарки отъ труппы, отъ рабочихъ, капельдинеровъ, отъ друзей, отъ публики, отъ учащейся молодежи и т. д.—Былъ подарокъ и отъ больныхъ обитателей дома умалишенныхъ, для которыхъ Линтваревъ часто посылалъ бесплатно по нѣсколько ложъ з яруса. Пріютъ слѣпыхъ дѣвочекъ, которыя пользовались такою-же любовью Линтварева, поднесъ корзину съ собственными издѣліями. Г. Линтваревъ за истекшій сезонъ получилъ солидную прибыль. Въ продолженіи сезона (съ 28 сентября по 12 февраля) было сыграно 103 вечернихъ спектакля, 7 утреннихъ и 5 утреннихъ бесплатныхъ для уча-

шейся молодежи. Валовой сборъ достигъ 45,000. Мѣсячный расходъ антрепренера не превышалъ 8,000. Однимъ словомъ сезонъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ блестящій.—Со второй недѣли поста начнутся гастроли М. М. Петипа. На пятой недѣлѣ будутъ играть бр. Адельгеймы. Для лѣтнаго театра «Эрмитажа» (вновь передѣланнаго) г. Линтваревъ ведетъ переговоры съ опереткой.

НИКОЛАЕВЪ. Діалоги—сценки изъ романа Тургенева «Отцы и дѣти» произвели слабое впечатлѣніе. Женскія эпизодическія роли Одинцовой (г-жа Рахманова), Фенички (г-жа Иртенъева) и Арины—матери Базарова (г-жа Семенова) проведены старательно и характерно. Центральная фигура Базарова въ исполненіи Я. Рассатова вышла грубой, аляповатой и, вмѣсто гордаго, самоувѣреннаго и интереснаго нигилиста мы видѣли какого-то согбеннаго мужиченка, звѣремъ на всѣхъ глядѣвшаго, или впадавшаго въ апатію. Комедія Лухмановой «Сибирскій Риголетто» нагнала порядочную тоску на зрителей; единственное достоинство ея — коротенькіе акты. Г. Мартыновъ—Риголетто, г. Рассатовъ—молодой купецъ недурно вели свои роли, г-жа Иртенъева—Варя играла неувѣренно и мало освѣщала горячую, порывистую натуру сильной, свободной дѣвушки. Выступившая въ фарсѣ «Нюбеля» г-жа Рахманова оказалась очень красивой мраморной губерnantкой. Въ бенефисъ А. Чарина поставленъ «Буреломъ» А. Фодорова, собравшій переполненный заль. Пьеса многихъ разочаровала. Типы литературнаго и театрального міра схвачены мѣтко, отдѣльныя сценки интересны и вѣрны, но основной, широкой идеи не видно. Г-жа Рахманова (Нильская) старалась смягчить всѣ минусы героини. Г. Рассатовъ (Тумазовъ) взялъ вѣрный тонъ и умно изобразилъ редактора. Что касается Тюменева, г. Чаринъ въ первыхъ актахъ придалъ ему слащаво-глупый характеръ; хоршми вышли у него сцены объясненія съ Нильской, а въ послѣднемъ актѣ (по первоначальной редакціи) уже по волѣ автора представлялъ безсмысленное, безвольное и животное существо. Однимъ изъ неудачныхъ спектаклей можно считать: «Смерть Іоанна Грознаго». Исполненіе г. Рассатова, въ общемъ удовлетворительное, сопровождалось неудачнымъ ансамблемъ. Незнаніе ролей, комическія qui pro quo, вызвавшія смѣхъ у артистовъ и зрителей, въ концѣ испортили впечатлѣніе игры г. Рассатова.

Масляничная недѣля прошла при полныхъ сборахъ. Два раза прошла «Варооломеевская ночь», поставлена новинка: «Рабыни веселья», состоящая прошальной бенефисъ О. В. Рахмановой: 3 акта «Маріи Стюартъ» и «Идеальная жена».

Подводя итоги сезона, мы отмѣчаемъ, что ни малорусскія труппа, ни оперетка не могли держаться у насъ безъ дефицита и только драма можетъ расчитывать на прочное существованіе. Доказательство—пріѣздъ труппы г. Ивановскаго. За пять недѣль антрепренеръ взялъ 13 т. р. при отчаянномъ экономическомъ кризисѣ въ городѣ, и въ концѣ сезона, когда сборы вообще слабы—г. Ивановскому, снявшему театръ и на слѣдующій сезонъ, не слѣдуетъ однако увлекаться внѣшнимъ успѣхомъ: труппа требуется для нашего города сильная, репертуаръ болѣе интересный. Реклама, къ которой прибѣгаетъ г. Ивановскій, вещь полезная для него, но на ней далеко не уйдетъ. Декораціи совершенно негодны въ нашемъ театрѣ, обстановка довольно мизерна, а нашъ антрепренеръ любитъ эффекты. Правда, онъ иногда увлекается въ ущербъ художественной правдѣ, напр., въ исторической пьесѣ у него явлены электрическое освѣщеніе въ салонѣ и т. п. Пора отрѣшиться отъ такихъ анонсовъ. «Пьеса эта («Тоска») въ виду особаго интереса послужила сюжетомъ для оперы, которая идетъ съ колоссальнымъ успѣхомъ въ Одессѣ. Въ пьесѣ этой происходитъ разстрѣливаніе героя пьесы(!) взводомъ солдатъ изъ 12-ти человекъ. *Простая не пишется выстрѣла (!!!)*. О «Рабыняхъ веселья» на афишѣ между прочимъ говорится: «Пьеса захватываетъ зрителя и заставляетъ переживать всѣ перипетіи пьесы, потому что онъ видитъ на сценѣ знакомыя явленія и собственныя страсти». Въ отдѣльной каймѣ крупнымъ шрифтомъ напечатано: «На эту пьесу ввиду того, что на сцену выводится особый міръ людей съ своей особой жизнью, дирекція проситъ восп. среднихъ учебн. заведеній имѣть ввиду, что билеты имъ продаваться не будутъ. При чемъ антрепренеръ считаетъ своимъ *домомъ* (какой моральистъ!) предупредить публику, что зрители младшаго возраста были бы не желательны на этой пьесѣ. Сборъ полный, конечно, сорванъ и мораль ничего не выиграла. *Савскій.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Въ прошлые года наибольшую дѣятельность проявляла секція по устройству спектаклей, но въ этомъ году лучшіе члены секція по разнымъ причинамъ оставили ее и она чуть было совсѣмъ не зачахла. Первые спектакли, не смотря на все стараніе режиссера г. Шилькрета, проходили самымъ плачевнымъ образомъ; послѣдующіе же проходили довольно прилично.

Секція музыкальная дѣйствовала гораздо успѣшнѣе. Она устроила нѣсколько музыкальныхъ вечеровъ. Нельзя не выразить признательности распорядителямъ гг. Болоховскому, Дейкуну и Михмелю, сумѣвшимъ организовать изъ членовъ большой стройный хоръ и оркестръ.

Больше всѣхъ заявила себя секція по устройству народ-

ныхъ развлеченій. Всѣ предпріятія ея имѣли крупный успѣхъ. Они устраиваютъ народные танцевальные вечера съ концертными отдѣленіями и народные общедоступные спектакли. Исполнителями въ этихъ спектакляхъ являются исключительно мастерами и рабочіе. Кружокъ любителей артистовъ мастеровыхъ настолько серьезно, съ такой любовью относится къ своему дѣлу, что ихъ можно ставить въ примѣръ для всякаго любительскаго кружка.

Я знакомъ съ возникновеніемъ этого кружка.

Года 3 тому назадъ нѣкоторымъ рабочимъ Брянскаго завода пришла въ голову благая мысль устроить изъ своей среды кружокъ любителей. Затѣя ихъ дошла до администраціи завода, которая выстроила небольшой театрикъ, купила декорации, и дѣло кружка пошло на ладъ; спектакли проходили гладко, публики было всегда въ избыткѣ, но — къ сожалѣнію, черная кошка пробѣжала между любителями-мастерами и администраціей завода и спектакли прекратились. Объ этомъ прослывали заправила секціи по устройству народныхъ развлеченій и пригласили ихъ играть въ аудиторіи Народныхъ Чтеній, гдѣ они подвизаются и до настоящаго дня, все больше и больше завоевывая симпатіи народа, который переполняетъ аудиторію въ дни ихъ спектаклей.

Отъ природы способные мастеровые превосходно сыгрались, а такъ какъ въдобавокъ пьесы ставятся малорусскія, доступныя для пониманія, какъ артистовъ, такъ и публики, то спектакли эти проходятъ съ большимъ успѣхомъ. Изъ отдѣльныхъ исполнителей неизмѣннымъ успѣхомъ пользуются: г-жа Тополявна и гг. Андреевъ, Чумаковъ, Матѣсъ и Богоздниченко. Положительно удивляешься той энергіи, съ какой они продолжаютъ свое дѣло. Цѣлый день съ 6 часовъ утра на работѣ, а вечеромъ въ аудиторіи на репетиціи, которая зачастую продолжается до 1 ночи. Къ этому нужно прибавить, что квартиры ихъ находятся за три-четыре версты отъ аудиторіи. Честь и слава вамъ, труженники.

Сообщаю составъ оперной труппы Новаго театра на предстоящій весенній сезонъ: г-жи Соколовская, Гончарова, Никитская и Карри, итальянскій теноръ Майнъ, гг. Борисоглѣбскій, Виноградовъ, Тассинъ. Балетъ подъ управленіемъ г. Жабчинскаго, съ участіемъ прима-балерины Эрики Варази. Капельмейстеры Труффи и Фельдтъ. *Изъ Шапошниченко.*

На Рождествѣ состоялось открытіе Новаго зимняго театра. Собственно зданіе предназначено подѣ гимназической валь и выстроило его Общество физическаго развитія дѣтей, но издержавшись на постройку зданія, Общество для поправленія своихъ ресурсовъ рѣшило сдать его подѣ театрѣ.

Со дня открытія до конца января въ немъ подвизалась оперетка подѣ управленіемъ г-жи Алмазовой. Городъ нашъ вообще «опереточный», и оперетка дѣлала здѣсь блестящія дѣла. Оперетка держалась на «трехъ» китахъ: г-жѣ Смолиной, пользовавшейся большимъ успѣхомъ (бенефисъ прошелъ съ аншлагомъ, хотя «Горячая кровь», шедшая въ бенефисъ, публикѣ не понравилась), лирической пѣвицѣ г-жѣ Бауэръ, особеннымъ успѣхомъ не пользовавшейся и г. Брянскомъ, комикъ-буффъ онъ-же и режиссеръ.

Изъ другихъ исполнителей выдѣлялись: г. Кубанскій, проstackъ съ голосомъ и теноръ г. Чабанъ, съ хорошимъ свѣжимъ голосомъ, которымъ онъ, къ сожалѣнію, очень рѣдко пользовался. Давались преимущественно самыя новыя оперетки, гдѣ очень мало пѣнія. Публика наша, очевидно, не мудрствовала лукаво и биткомъ наполняла оперетку. Между тѣмъ какъ драматическая труппа г. Дальскаго, пріютившаяся въ аудиторіи народныхъ чтеній, зачастую очень и очень нуждалась въ посѣтеляхъ. Репертуара Дальскій держался въ началѣ самаго избраннаго, ставя въ большинствѣ случаевъ классическія пьесы, но къ концу круто измѣнилъ и закончилъ «Рабыни веселья». Последняя-же пьеса посѣтила и раздоръ между Комиссіей и Дальскимъ. Дѣло въ томъ, что для 3-го дѣйствія, гдѣ, какъ извѣстно, долженъ участвовать хоръ шансонетныхъ пѣвицъ, Дальскій пригласилъ «всамдѣлишнихъ» изъ одного изъ мѣстныхъ шансонетныхъ заведеній. Комиссія обидѣлась, и на первомъ-же представленіи произвела враждебную демонстрацію, что страшно въ свою очередь обозлило г. Дальскаго. Въ результатѣ г. Дальскій перешелъ въ Новый театръ, который освободился къ этому времени отъ оперетки, гдѣ и закончилъ сезонъ, съ крупными сборами.

До «Рабынь веселья» у г. Дальскаго не было ни одной пьесы, которая шла-бы, съ аншлагомъ, но стоило только вывѣсить афиши, извѣщающіе, что пойдутъ «Рабыни веселья» съ благосклоннымъ участіемъ г-жѣ шансонетныхъ дѣвицъ, которая исполняютъ «Коко» и прочую дребедень, какъ «почтеннѣйшая» публика толпой повалила въ театръ. Въ результатѣ — аншлагъ, несмотря на то, что и въ опереткѣ былъ экстраординарный спектакль: закрытіе сезона.

«Рабыни веселья» шли, если не ошибаюсь, въ теченіи 2-хъ недѣль 5 разъ и все время театръ былъ переполненъ. Дошло дѣло до того, что г. Дальскій, боясь, очевидно, что публика скупо посѣщающая серьезные пьесы, хотя бы и въ бенефисные дни такъ-же отнесется и къ его бенефису, пристегнула шансонетныхъ дѣвицъ даже и къ своему бенефису. Ставя

«Два міра», онъ добавилъ и 3 дѣйствіе изъ «Рабынь веселья» настолько сокративъ въдобавокъ само дѣйствіе, что это было просто дивертисментъ изъ шансонетныхъ дѣвицъ. Говорятъ, что когда г. Дальскаго спросили: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ сказалъ, увы, горькую правду «По Сенькѣ и шапка». Досадно, обидно и больно!

Изъ новыхъ пьесъ ставили: «Безправную», «Огни Ивовой ночи», «Буреломъ», «Когда мы мертвые воскреснемъ», «Накипъ» и «Исторія болѣзни Пытгоева», изъ которыхъ послѣднія двѣ пьесы мѣстная газета жестоко изругала. Исполненіе было очень и очень не ровное. Премьерша труппы, г-жа Писарева-Звѣздичъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ была хороша, но общее впечатлѣніе, оставляемое ею, какое-то не полное, игра ея какая-то не додѣланная. Нельзя не упомянуть добрымъ словомъ хорошую опытную артистку Понизовскую и молодую симпатичную артистку Шадрину. Изъ мужского персонала, кромѣ конечно, г. Дальскаго, постоянно выдѣлялся серьезный артистъ г. Чечинъ. Мало можно сказать утѣшительнаго о молодыхъ артистахъ Рамазановѣ и Кручининѣ. Остальные — посредственныя, въ большей или меньшей степени. Игравшій въ труппѣ на Рождественскихъ праздникахъ мѣстный уроженецъ, студентъ Борисовъ, оказался очень способнымъ, опытнымъ исполнителемъ.

Въ концѣ января состоялись 2 гастролы Тины-ди Лоренцо. Мѣстный рецензентъ наговорилъ много глупостей и нашелъ хорошенькую гостью головой выше «когда-то гремѣвшей Дуэ».

Комисъ.

КОСТРОМА. Г. Бѣльскій значительно поднялъ театральное дѣло въ Костромѣ. Написано нѣсколько хорошихъ декораций, пріобрѣтена новая мебель. Обстановочныя пьесы поставлены были хорошо, съ небывалой для Костромы роскошью, выдерживали по нѣскольку представлений. «Измаилъ», на примѣръ, шелъ въ нынѣшнемъ году три раза. Съ успѣхомъ прошли «Волхвы» Вс. Соловьева, «Феодоръ Иоанновичъ» А. Толстого, «Новый міръ» Бретта и др.

Начался сезонъ 29 сентября 1900 года, поставлена была «Казнь» Гр. Ге. и окончился 11 февраля 1901 года («Лѣній» Ан. Чехова). Всего было 71 спектакль. Труппа была довольно многолюдна. Репертуаръ несли: г-жи Назимова, Барканова, Алинская и Петрова-Самарина; гг. Абрамовъ, Тихановъ, Мартыновъ, Новиковъ и Савельевъ. Успѣхомъ пользовалась г-жа Назимова, обладающая изящною наружностью и богатымъ гардеробомъ. Изъ женскаго персонала раздѣляла успѣхъ г-жи Назимовой г-жа Барканова; остальные же артистки были въ тѣни. Г-жи Бѣлинская и Надеждина участвовали очень рѣдко. Что касается г-жи Токаревой, то она въ Костромѣ не привилась. Въ началѣ сезона артистка дала нѣсколько хорошо исполненныхъ ролей — Валентины Герасимовны («Золото»), Луниной («Девятый валь»), Кэтъ («Казнь»), — а потомъ выступала все рѣже и рѣже, и на святкахъ, по неизвѣстнымъ для публики причинамъ, выбыла изъ труппы.

Изъ мужскаго персонала выдѣлялись г. Абрамовъ. Артистъ выступалъ въ довольно разнохарактерныхъ роляхъ, причѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ были хорошо разработаны артистомъ. Хороши были во многихъ роляхъ гг. Тихановъ, Новиковъ и Савельевъ. Г. Мартыновъ дебютировалъ въ роли Годда («Казнь»), сыгралъ ее хорошо, имѣлъ большой успѣхъ. Но тѣмъ его слава и кончилась. Г. Мартыновъ еще молодъ, но можно ожидать, что изъ него выйдетъ хороший артистъ при его богатыхъ данныхъ. Въ общемъ, большинство пьесъ прошло съ должнымъ ансамблемъ.

Костромѣ нынѣшній годъ посчастливилось на гастролеровъ. Самыя интересныя были гастролы г. Орленева, который пріѣзжалъ въ Кострому въ ноябрѣ и январѣ. Театръ на гастрольяхъ г. Орленева былъ всегда полонъ. Удачно прошла гастроль г. Правдина въ роли Мирона («Невольницы»). На бенефисъ управляющаго театромъ г. Золотарева пріѣзжалъ артистъ театра Корша г. Соколовскій, выступившій въ роли Телятева и Кречинскаго, обѣ роли сыгралъ прекрасно, но сбора не было.

Въ матеріальномъ отношеніи сезонъ вполне удался, валовой сборъ около 22 тысячъ. Самыми лучшими по сбору были мѣсяцы ноябрь и январь, худшій — октябрь. Безъ сомнѣнія, нѣкоторый ущербъ сборамъ нанесъ небольшой пожаръ въ театрѣ, благодаря которому не было нѣсколькихъ спектаклей передъ Рождествомъ.

Е.

ВИЛЬНА. Въ корреспонденціи изъ Вильны, напечатанной въ № 7 нашего журнала вкралась опечатка. Напечатано «Удачнѣе другихъ былъ г. Волоховъ въ роли Графа де-Гишъ». Слѣдуетъ читать: «Удачнѣе другихъ былъ г. Хохловъ въ роли Графа де-Гишъ».

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ, дозволеннымъ къ представленію безусловно по 1 февраля 1901 года.

1) Въ своей роли. Картины въ четырехъ дѣйствіяхъ Александра Плещеева. По литографированному изданію С. Э. Разсохина. Москва, 1901 года.

2) Карты не обмануть. Шутка въ одномъ дѣйствіи и двухъ картинахъ Д. И. Парійскаго. С.-Петербургъ, 1900 года.

3) Котъ, козель и баранъ, или плутни kota Васьки. Опера для дѣтей въ трехъ картинкахъ. Слова И. Калашникова. Музыка Н. Брянскаго. С.-Петербургъ, 1886 года. (Посвящается Маріи Николаевнѣ Стоютиной).

4) На мѣстѣ преступленія. Комедія въ одномъ дѣйствіи Д. И. Парійскаго. С.-Петербургъ, 1900 г.

5) Права души (Diriti dell'anima). Психологическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи Дж. Джакоза. (Посвящается М. Г. Савиной). Переводъ Е. М. Бабецкаго. Харьковъ, 1900 г.

6) Русскій иностранецъ. (Водевиль съ переодѣваньемъ). Шутка въ одномъ дѣйствіи арт. Д. К. Строева. (Сюжетъ заимствованъ). Гродно, 1900 г.

7) Самой красивой женщинѣ (Къ самой красивой женщинѣ). (Письмо изъ столицы). Провинциальная сцена въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе И. И. Мясницкаго. По литографированному изданію С. Э. Разсохина. Москва, 1900 г.

8) Синяя борода (Неудачникъ). Необыкновенное происшествіе въ одномъ дѣйствіи Э. В. Рутковскаго. С.-Петербургъ, 1901 г.

9) Сонъ въ весеннее утро. Драматическое произведеніе Габріэля д'Аннунціо (съ итальянскаго) В. И. Владимірова. (Лангаммеръ). Кіевъ, 1901 г.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРА“

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ДЛЯ НѢЖНОСТИ и ВЪЛИЗНЫ КОЖИ

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ

вазелиновое туалетное.

Цѣна за большой кусокъ 30 коп.

Пудру Голлендеръ вазелиновую коробки въ 60 и 30 коп.

Пудру Голлендеръ вазелиновую съ запахомъ Виолет де-Пармъ въ изящной фарфоровой пудреницѣ съ живописью. Цѣна 1 руб.

Поддѣлки вазелиноваго туалетнаго мыла Голлендеръ явились въ продажѣ, а потому торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, обращая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать, во избѣжаніе покупки поддѣлки, **ТОЛЬКО МЫЛО „ГОЛЛЕНДЕРЪ“** вазелиновое туалетное, **высокое качество** котораго не нуждается въ рекламахъ.

Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ.

Оптовая продажа у изобрѣтателей, С.-Петербургъ, Развѣзжая, № 13. Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“. 3322 30—19.

ВЫШЛИ изъ ПЕЧАТИ:

„Рабыни веселья“.

В. Протопопова, ц. 2 р. Ценз. экз. 5 руб.

„ФЛОРИЯ ТОСКА“.

изв. др. В. САРДУ.

Цѣна 2 рубля.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

К. ДМИТРИЕВА.

Цѣна 2 руб.

На-дняхъ выйдетъ премированная на конкурсѣ журнала „Театръ и Искусство“ пьеса для солдатскаго театра.

„Не въ деньгахъ счастье“.

Н. фонъ-Дингельштедта.

НАЧИНАЮЩІЙ АРТИСТЪ

2-й комикъ-резон. и харак. роли стариковъ, предл. свои усл. на лѣтн. сезонъ 1901 г. Мож. участв. въ Т-вѣ паемъ, не свыше 150 р. Москва, уг. Садовой и Фурмановаго пер., мебл. комн. „Волга“, кв. № 16, А. Д. Захаровъ.

№ 30255. 2—1.

УМАНСКІЙ

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

съ Пасхи отдается временнымъ гастрольнымъ труппамъ оперы, оперетты, драмъ и малороссовъ. За подробностями обращаться: Н. Н. Гольденбергу, г. Умань, Кіевской губ.

№ 3359 2—1.

Музыкальныя шкатулки

ФОРТУНА.

Звучный, пріятный тонъ.

Прочная конструкция.

Изящная отдѣлка.

Съ ручкой 6 р. Ноты по 25 к.

Заводныя въ 12, 18, 30, 50, 75,

100, 125, 150, 175, 200,

225, 250, 300 руб. и дор.

Ноты къ нимъ по 25, 30, 50, 90 коп., 1,

1 1/2, 2, 3 руб. и дороже.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

№ 2311 52—21.

Новыя изданія СПБ. Товарищества „ТРУДЪ“.

(Въ книжномъ складѣ Т-ва: С.-Петербургъ. Фонтанка, 86).

I-й томъ комедій. И. П. ГИЛЬДИЧА: 1. На хуторѣ. — 2. Женя. — 3. На южномъ берегу. — 4. Въ цвѣтахъ. — 5. Горящія письма. — 6. Старая сказка. Изд. 2-е. Цѣна 2 р. 50 к. Для удобства исполнителей каждая комедія издана отдѣльно. Цѣна — по 1 р.

Купальные огни. Романъ **И. П. ГИЛЬДИЧА**, въ двухъ частяхъ. Ц. 2 руб.

Лучшій другъ. Романъ **А. И. БУДИЩЕВА**. Цѣна 1 р.

Стихотворенія. А. И. БУДИЩЕВА. Цѣна 1 рубль.

Роскошно-иллюстрированные альбомы in 4°

НАШИ АРТИСТКИ. Вып. I. **В. Ф. Комиссарженская** (изд. 2-е) Ю. Д. Бѣляева. Вып. II. **Л. Б. Яворская**, Ю. Д. Бѣляева. Вып. III. **М. Ф. Кшеенская**, Е. Е. Карцова. Цѣна каждого выпуска 1 р.

Роскошно-иллюстр. юбилейное изданіе in 4°:

М. Г. САВИНА. Двадцать пять лѣтъ артистической дѣятельности. Биографическій очеркъ **В. В. Протопопова**. Съ характеристиками М. Г. Савиной (автографически воспроизведенными) Д. В. Аверкіева, П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, П. П. Гнѣдича, А. А. Потѣхина, В. А. Крылова, П. Я. Невѣжина, Вл. И. Немировича-Данченко, кн. А. И. Сумбатова (Южина) и И. Щеглова. Въ трехъ выпускахъ. Съ множествомъ (болѣе 100) художествен. автографовъ, изображающихъ М. Г. Савину во всѣхъ лучшихъ ея роляхъ. Ц. 3 р. 50 к. или (на велен. бумагѣ) 6 р.

Выписывающіе отъ издателей, С.-Петербургъ, Фонтанка, 86, за пересылку не платятъ.

Херсонскій Городской театръ

свободенъ отъ антрепризы на будущій зимній сезонъ и сдается желанцимъ. Заявленія принимаются въ Городской Управѣ до 5-го марта.

№ 3357 3 2.

Театръ Спб. Консерваторіи.

Русскіе оперные спектакли подъ управл. **В. Н. Любимова**.

25-го февр. „**ГУГЕНОТЫ**“ (М. И. и Н. Н. Фигнеръ, Альма Фостремъ, Т. А. Фигнеръ, I. В. Тартаковъ, А. П. Антоновскій); 26-го „**ДЕМОНЪ**“ (Е. Р. Львова, С. И. Кравецъ, Л. В. Собиновъ, I. В. Тартаковъ, К. Т. Серебряковъ); 27-го „**РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА**“ (Альма Фостремъ, С. И. Кравецъ, Н. Н. Фигнеръ, А. В. Смирновъ, В. Л. Карелинъ); 1-го марта, „**ФАУСТЪ**“ (М. И. Фигнеръ, С. И. Кравецъ, Л. В. Собиновъ, А. В. Смирновъ, А. П. Антоновскій); 2-го марта, „**КАРМЕНЪ**“ (М. И. и Н. Н. Фигнеръ, А. А. Картавина, М. К. Максакъ); 28-го февраля: 1) „**ПАЛЦЫ**“ (М. И. и Н. Н. Фигнеръ, М. К. Максакъ, А. В. Смирновъ, В. Л. Карелинъ); 2) 1 карт. IV д. оп. „**АЙДА**“ (Т. А. Фигнеръ, Н. Н. Фигнеръ, К. Т. Серебряковъ). Билеты на всѣ объявл. спектакли въ касѣ консерваторіи еже дневно съ 11 ч. утра до окончанія спектаклей.

Театръ бывш. П А Н А Е В А.

(Адмиралтейская, № 4).

Съ 19-го Февраля 1901 года, СПЕКТАКЛИ МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Суббота, 24-го февраля, 1-й спектакль 3-го абонемента — „**ДЯДЯ ВАНЯ**“. драма А. П. Чехова. Воскресенье, 25-го: Утромъ въѣзъ абонемента — „**ДЯДЯ ВАНЯ**“, др. А. П. Чехова. Вечеромъ 2-й спект. 1-го абон. — „**ГЕНШЕЛЬ**“, др. Г. Гауптмана. Понед., 26-го, 2-й спект. 2-го абон. — „**ДОКТОРЪ ШТОКМАНЪ**“, драма Г. Ибсена. Вторн., 27-го, 2-й спект. 3-го абон. „**ГЕНШЕЛЬ**“, др. Г. Гауптмана. Среда, 28-го, въѣзъ абон. — „**ТРИ СЕСТРЫ**“, др. А. П. Чехова. Четвергъ, 1-го марта, 3-й спект. 1-го абон. — „**ТРИ СЕСТРЫ**“, др. А. П. Чехова. Пятн., 2-го, 3-й спект. 2-го абон. — „**ДЯДЯ ВАНЯ**“, сценъ изъ деревенской жизни, А. П. Чехова.

Дирекція оставляетъ за собой право замѣнить, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, одну пьесу другою, не нарушая обязательства дать по одному сразу пьесы, указанные въ первоначальномъ анонсѣ.

Поспектакльная цѣна мѣстамъ: Ложа бенеуара литерная — 26 р., бенеуаръ номерныя — 18 р., бель-этажа — средняя — 15 р., боковыя — 12 р., 1-го яруса — 7 р. Дартеръ отъ 6 р. 25 к. до 1 р. 75 к. Стулья 1-го яруса отъ 1 р. 75 к. до 1 р. 50 к. Балконъ отъ 1 р. 20 к. до 95 к. Галлерей отъ 60 к. до 40 к.

Завѣдующій репертуаромъ **Вл. И. Немировичъ-Данченко**.

Главный режиссеръ **К. С. Станиславскій**

НЕОБХОДИМО

для каждаго суфлера и музыканта,
ПОЛЕЗНО для всякаго читающаго!

Складные, портативные, гигиеническіе и изящные полиграфы „Товарищества гигиенической мебели системы С. Акбройта“, удостоенной самыхъ лестныхъ отзывовъ извѣстѣйшихъ медиковъ и педагоговъ. (См. „Нов. Вр.“ № 8571. „Рус. Вѣд.“ 63 м. 1900 г. „Россия“ 20 ф. 1900 г. Pedagogische Zeitung. seit. 224; „Berliner Klinische Wochenschrift“ selte 68 и т. д.) Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Выписывать можно черезъ контору журнала „Театръ и Искусство“.

ФРАНЦУЗСК. ЦВѢТЫ, ЗЕЛЕНЬ и ПРИНАДЛЕЖН. КЪ НИМЪ

ФАБРИКА НЕВСКІЙ и СКЛАДЪ № 34

Р. ЛЮТЕРМАНЪ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

№ 3351. 26-4

№ 4711

Рейнская парфюма

Тоставишка Двора
Еще Императорскія Вещества

ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ

Колокольная № 4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ригѣ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫИ СВѢЖИИ ЗАПАХЪ ФІАЛКИ.
безъ примѣсь (мускуса, пачули и проч.)

Модный Парфюмъ ВѢЛИКОСВѢТСКИХЪ КРУГОВЪ.
Подается въ самыхъ лучшихъ упаковкахъ.

ESSENCE OF
RHINE VIOLETS
PREPARED BY
FERD. MÜLLER'S
PARFUMS
COLOGNE

№ 2316 6-6.